

М/34
36

ДНЕВНИКЪ

ЗАБАЙКАЛЬСКАГО КАЗАЧЬЯГО

ОФИЦЕРА.

Русско-Японская Война

1904—1905 гг.

ФОТОГРАФИИ И РИСУНКИ АВТОРА.

Н. КВИТКА.

Kwitka, Andrej Valerianowitsch (1849 - 1932, Rom), Truppen-Aeltester der 2. Nertschinsker Regiment der Transbaikalischen Kosaken. "Tagebuch eines transbaikalischen Kosakenoffiziers: Russisch-Japanischer Krieg 1904/1905".

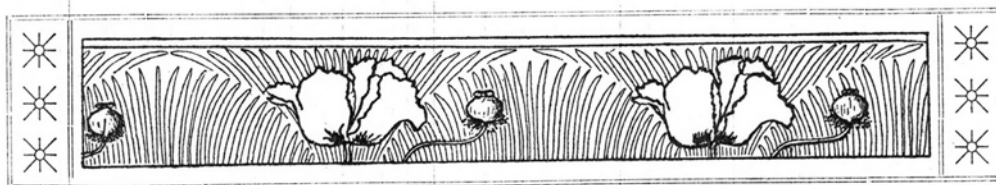
Издана В. Березовским

КОМИССИОНЕРЪ ВОЕННО - УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

С.-Петербургъ, Колокольная улица, домъ № 14.

1908.

Въ отрядъ Генерала Рекнеккампфа.

Въ Воскресеніе, 11 апрѣля, я выѣхалъ экспрессомъ изъ Петербурга. Этимъ поѣздомъ ѣхалъ тоже на дальній востокъ флигель-адъютантъ полковникъ князь Трубецкой, котораго провожали наши общіе товарищи, офицеры конной гвардіи.

12 апрѣля. Москва. Моимъ спутникомъ въ дѣйствующую армію былъ другъ дѣтства и старый товарищъ по Пажескому корпусу, генераль-лейтенантъ графъ Келлеръ, вызванный въ Ляоянь телеграммою ген. Куропаткина.

Келлеръ выѣхалъ раньше меня изъ Петербурга; было условлено вмѣстѣ завтракать у Тѣстова и обѣдать въ Эрмитажѣ.

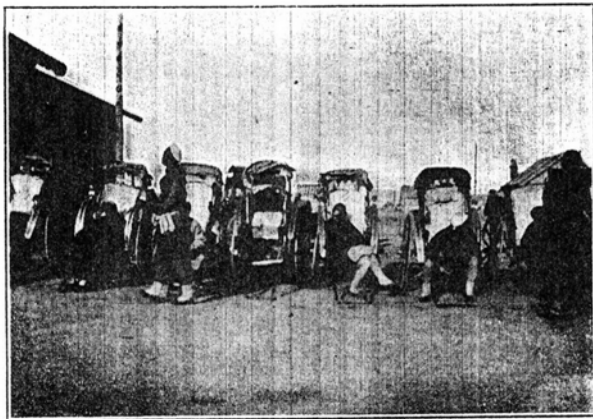
Чтобы распредѣлить какую часть багажа я могъ помѣстить въ своемъ купэ и что долженъ былъ сдать въ багажный вагонъ, я пріѣхалъ на вокзалъ за два часа до отхода поѣзда и времени оказалось у меня не слишкомъ много. Отъ Москвы до Иркутска перевозка багажа стоила пять рублей за пудъ и, несмотря на то, что въ купэ помѣстилось довольно много вещей, пришлось доплатить свыше ста рублей. Если бы я могъ предвидѣть, что большая часть этихъ вещей пропадетъ и я никогда ихъ не увижу, то, конечно, не затратилъ бы на нихъ столько денегъ на покупку и за провозъ.

Грустно было видѣть проводы и разставаніе матерей, женъ и близкихъ съ отъѣзжавшими на войну. Я вновь переживалъ весь ужасъ вчерашняго прощанія.

землю въ плоскихъ корзинахъ, подвѣшанныхъ къ коромысламъ, къ возводящейся насыпи.

29 апрѣля. Разворачивающаяся передъ нами картина такъ и просится на экранъ: все непривычно европейскому глазу. Въ архитектурѣ, въ головныхъ уборахъ китайцевъ и даже въ очертаніи горъ, вырѣзывающихся на горизонтѣ, преобладаетъ колокольчатая форма, вѣроятно почерпнутая изъ растительнаго царства — какъ былъ лотусъ въ Индіи, акантъ въ древней Греціи и ель въ Готикѣ. Лилія, растущая въ изобиліи въ дикомъ состояніи по всему Китаю, составляетъ предметъ особаго ухода въ саду знатнаго мандарина и у бѣдняка манзы; не она ли послужила созданію китайскаго стиля?

Нѣтъ ничего удивительнаго, что растительное и животное царство Китая отличаются отъ того, что мы видимъ въ Европѣ; но любопытно, что обыкновенная ворона и галка здѣсь совершенно черныя, какъ грачи, безъ признаковъ сѣраго оперенія. Около жилыхъ мѣстъ и въ лѣсахъ множество сорокъ, онѣ ничѣмъ не отлича-

29. „Рикши“.

ются отъ всѣмъ знакомыхъ кумушекъ. На станціяхъ между китайцами есть начальство — это полицейскіе, у которыхъ нашитъ на спинѣ цвѣтной кругъ съ іероглифическими изреченіями, а въ рукѣ самый убѣдительный знакъ власти — большая трость. Одинъ рослый китаецъ въ желтой плюшевой курткѣ совсѣмъ важный чиновникъ — онъ помощникъ кассира.

Остановки, въ особенности на развѣздахъ, еще продолжительнѣе. Генераль Забѣлинъ замѣтилъ, что были безпорядки, что неумѣло и неправильно распоряжались желѣзнодорожные служащіе. Въ 8 часовъ вечера пришли въ Мукденъ и черезъ два часа отошли дальше.

30 апрѣля. Въ три часа ночи пришли въ Ляоянь. Насъ разбудили и потребовали выходить всѣмъ изъ вагона, такъ какъ поѣздъ черезъ часъ долженъ былъ отойти дальше на Портъ-

Артуръ. Когда мы одѣлись и уложили свои вещи, пришли сказать, что сообщеніе съ Портъ-Артуромъ прервано и поэтому нашъ вагонъ останется въ Ляоянѣ. Мы опять раздѣлись, но спать не удалось: установка вагона на запасной путь заняла много времени, поѣзда и отдѣльные локомотивы съ грохотомъ проходили мимо насъ, раздавались надъ ушами свистки и раздрающіе звуки сирены. Въ шесть часовъ утра мы были уже на ногахъ.

На парижской всемирной выставкѣ 1900 г. мнѣ приходилось испытать ѣзду на „пусъ-пусъ“ — китайскихъ рикшахъ, но то было по гладкимъ, какъ паркетъ, дорожкамъ выставки, медленно, съ постоянными остановками; заставлятъ же человека везти экипажъ съ сѣдокомъ продолжительное время и по всякимъ дорогамъ чуть ли не со скоростью лошади, казалось безчеловѣчнымъ; оказывается, однако, что рикши такъ втянуты въ эту работу, что могутъ пробѣжать три, четыре версты безъ усталы, при чемъ дыханіе остается равномернымъ. Рикши порядочны нахалы и всегда готовы содрать съ васъ три шкуры.

Графъ Келлеръ и я завтракали у стараго товарища генерала Ф. Ф. Трепова, назначеннаго начальникомъ санитарнаго управленія.

Мнѣ сообщено, что командующему арміей извѣстно о моемъ прибытіи въ Ляоянъ и что я долженъ ему представиться сегодня же.

Пріемъ представляющихся въ 4 ч. дня. Первымъ былъ принятъ гр. Келлеръ; его продержали довольно долго и когда онъ вернулся, то казался взволнованнымъ и озабоченнымъ. Онъ передалъ мнѣ, что командующій арміей предложилъ ему принять восточный отрядъ отъ генерала Засулича. Келлеръ отвѣтилъ, что, не служивши давно въ строю, онъ желалъ бы, по крайней мѣрѣ на первое время, прокомандовать дивизіей, а не большимъ отрядомъ, такъ какъ онъ не былъ увѣренъ, что сумѣетъ справиться съ возлагаемой на него трудной задачей. Генералъ Куропаткинъ настаивалъ, однако, чтобы Келлеръ сейчасъ же вступилъ въ командованіе восточнымъ отрядомъ и его доводы были настолько убѣдительны, что Келлеръ согласился. Въ настоящее время восточный отрядъ былъ менѣе корпуса, но имѣлось въ виду пополнить его частями ожидавшимися изъ Россіи.

Представлялись затѣмъ генералъ Забѣлинъ съ инженерами, фл.-ад. кн. Трубецкой, полковники Бемъ и Пospѣловъ, получавшіе новыя назначенія, вслѣдствіе того, что полки, которыми они должны были командовать, находились въ Портъ-Артурѣ,

отрубзанномъ отъ главной арміи непріятелемъ. Когда настала моя очередь, командующій принялъ меня очень любезно и представилъ начальнику штаба арміи генералу Сахарову. Меня смутило замѣчаніе ген. Сахарова: не боленъ ли я.

Я поступилъ на службу только на время войны, послѣ двадцати лѣтъ отставки и, пожалуй, для чина войскового старшины, былъ не довольно молодъ, но я себя считалъ бодрымъ и способнымъ нести строевую службу такъ же ретиво, какъ въ молодости и мнѣ хотѣлось скорѣй доказать, что я здоровъ и могу служить не хуже молодого.

Алексѣй Николаевичъ Куропаткинъ сказалъ мнѣ: „пока вы будете въ Ляоянѣ, прошу васъ быть моимъ гостемъ“.

Обѣдъ былъ сервированъ въ семь часовъ въ роскошномъ вагонѣ-столовой, ярко освѣщенномъ рядами электрическихъ лампочекъ подъ потолкомъ. Послѣ закуски въ первомъ отдѣленіи, гдѣ обѣдала свита, мы перешли во второе. Келлеръ сѣлъ по правую руку ген. Куропаткина, Забѣлинъ по лѣвую. Разговоръ касался военныхъ событій, не затрагивая наболѣвшихъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ не было желательно за столомъ въ присутствіи не посвященныхъ гостей и прислуги. Обѣдъ, изъ трехъ блюдъ, былъ вѣснѣй, сытный, но не изысканный и, конечно, не оправдывалъ рассказовъ мукденскихъ доброжелателей о расточительности и блескѣ приемовъ ген. Куропаткина.

Когда встали изъ-за стола, Алексѣй Николаевичъ сказалъ присутствующимъ, указывая на меня: „представляю вамъ моего стараго боевого товарища, онъ заслужилъ Георгіевскій крестъ за штурмъ Гривницкаго редута, а не золотое оружіе, которое получилъ за это дѣло.“

Не дожидаясь Келлера, ушедшаго на половину командующаго на совѣщаніе, я отправился домой. Ночь была темная, я насилу отыскалъ свой вагонъ, натыкаясь на рельсы, канавы, на сложенный у желѣзной дороги лѣсъ: ходить здѣсь ночью безъ фонаря было не безопасно — того и гляди расшибешь себѣ носъ.

1-го мая. Мой полкъ, 2-й Нерчинскій казачій, входилъ въ составъ 2-й Забайкальской казачьей дивизіи генераль-маіора Ренненкампа. Въ полевомъ штабѣ мнѣ сообщили, что штабъ-квартира отряда генерала Ренненкампа находилась въ г. Саймацзы, но гдѣ находится онъ самъ со своимъ отрядомъ никому не было извѣстно. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ подвижныхъ генераловъ и услѣдить за нимъ не было возможности.

но я благодарилъ его и отказался, такъ какъ Пепино уже готовилъ обѣдъ, на который я пригласилъ офицеровъ нашего полка.

Отъ генерала Ренненкампа получено сообщеніе, что онъ останется съ отрядомъ въ Айямынѣ еще два или три дня и просилъ прислать чаю, сахару и коньяку, если ожидавшійся транспортъ прибылъ. Сотникъ Бобровскій выступалъ завтра утромъ съ затребованными генераломъ продуктами и я рѣшилъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, чтобы представиться начальству.

Я только что затушилъ электрическую лампу и собирался заснуть, когда услышалъ незнакомый голосъ у моей палатки: „Полковникъ, могу я къ вамъ зайти, я Заботкинъ“.—Войсковой старшина Заботкинъ былъ завѣдующимъ хозяйствомъ нашего полка и только что вернулся изъ командировки. Я извинился, что не могъ его принять: ночь была холодная и не хотѣлось вылѣзть изъ теплаго постельнаго мѣшка, чтобы расшнуровать входъ въ палатку; Заботкинъ сказалъ, что онъ ѣдетъ съ нами въ отрядъ завтра.

15 мая. Я всталъ въ четыре часа утра, Заботкинъ и Бобровскій еще спали, они собрались въ путь только къ девяти часамъ. Мы шли перемѣнными аллюрами и вьюки, не поспѣвавшіе за нами, остались далеко сзади. Былъ пройденъ переваль и оставалось не болѣе восьми верстъ до Айямыня, когда послышались впереди частые ружейные выстрѣлы и вскорѣ показалась идущая намъ навстрѣчу казачья лава.

Вѣстовой Заботкина крикнулъ: „Ваше Всбродіе, наши отступаютъ въ кальерь“.—„Что испугался г“—прикрикнулъ на него Заботкинъ. Бобровскій приказалъ одному изъ нашихъ казаковъ скакать назадъ и вернуть вьюки въ Саймацзы. Я нашелъ страннымъ, что офицеръ позволялъ себѣ отдавать приказанія въ присутствіи старшихъ, кромѣ того я не понималъ почему отправлять обратно провизию, въ которой могли бы нуждаться въ отрядѣ, поэтому приказаніе это я отмѣнилъ.

Когда мы поравнялись съ лавою, казаки сказали, что на разсвѣтѣ японцы неожиданно напали на нашъ бивакъ и пришлось отступить передъ превосходными силами.

Вотъ показался отрядъ, впереди и по бокамъ шли дозоры, развѣвались значки начальниковъ. Въ арьергардѣ перестрѣлка еще продолжалась.

Заботкинъ, приложивши руку къ козырьку, подѣхалъ къ одному всаднику въ черной, довольно потертой шведской курткѣ,

съ разстегнутымъ воротомъ рубашки; на немъ не было ни погонъ ни орденовъ. Полное лицо съ голубыми глазами немного на выкатѣ, съ русыми, молодецки закрученными усами, дышало безстрашіемъ и желѣзной волей. Вся его фигура напоминала мнѣ викинговъ на фрескахъ германскаго посольскаго дворца, палаццо Карафелли въ Римѣ. Я догадался, что это былъ генералъ Ренненкампфъ, хотя я не нашелъ сходства съ популярными его портретами и прекраснымъ наброскомъ Кравченки. Онъ протянулъ мнѣ руку: „Вы, вѣроятно, войсковой старшина Квитка“, — сказалъ онъ со своей обычной манерой говорить сжато, прямо къ дѣлу и не допуская лишнихъ словъ.

Нашъ полкъ шелъ позади Аргунскаго, я представился командующему полкомъ войск. ст. Трухину. Онъ природный забайкалецъ, съ типичными признаками бурятской крови въ морщинистомъ плоскомъ лицѣ; щетинистые усы и брови придаютъ ему, на первый взглядъ, суровое выраженіе, въ обращеніи онъ простъ, любезенъ и казался добрымъ, я былъ увѣренъ, что мы будемъ съ нимъ ладить. Познакомился съ офицерами полка и съ командовавшимъ 2 Аргунскимъ полкомъ войск. ст. Кобылкинымъ, отрѣшеннымъ сегодня утромъ отъ командованія генераломъ Ренненкампфомъ за то, что онъ отступилъ съ главными силами безъ приказанія. Кобылкинъ не скрывалъ, что онъ выслужился изъ писарей и рассказывалъ много любопытнаго изъ своего прошлаго. Въ отрядѣ я встрѣтилъ стараго пріятеля, полковника Карцева, командовавшаго казачьей бригадой на Ялу. Все, что было на немъ, носило слѣды продолжительнаго похода — онъ потерялъ вьюки со всѣми вещами и болѣе двухъ недѣль не могъ переодѣться. Впрочемъ щегольство въ манчжурской арміи можно было видѣть только въ главной квартирѣ, большинство строевыхъ офицеровъ было одѣто, въ холодную пору, въ шведскія куртки (называемыя въ арміи теплушками), а лѣтомъ въ блузы разнаго цвѣта и образца безъ погонъ. Разнообразіе, или скорѣе отсутствіе форменной одежды происходило отчасти отъ того, что не считалось возможнымъ требовать соблюденія формы, вслѣдствіе затруднительности доставки въ дѣйствующую армію предметовъ обмундированія. Съ прибытіемъ на театръ военныхъ дѣйствій экономическихъ обществъ, въ этомъ не встрѣчалось болѣе затрудненій, но у насъ, почему-то, принято считать, что щегольство недостойно серьезнаго человѣка, это признакъ легкомыслія и неспособности къ дѣльной, плодотворной работѣ. Я помню,

какъ въ молодости меня глубоко презирали охотники, товарищи, одѣтые въ какое-то тряпье, за то только, что у меня былъ нарядный и удобный охотничій костюмъ, несмотря на то, что на мое ружье доставалось не менѣ дичи, чѣмъ на ихъ самопалы. Была и другая причина, отчего начальство не только не преслѣдовало, но даже одобряло ношеніе неформенныхъ одѣяній: это была большая убыль въ офицерскомъ составѣ отъ того, что японцы слѣдили за появленіемъ начальниковъ и направляли въ нихъ не только ружейный, но даже орудійный огонь.

Было, конечно, необходимо уменьшить потери между офицерами, въ которыхъ начиналъ чувствоваться недостатокъ, но разрѣшеніе одѣваться какъ попало, было какъ бы поощреніемъ неряшества, а это въ военной средѣ не должно быть допустимо. Японцы дрались не хуже насъ, но мы ихъ рѣдко видѣли и еще рѣже удавалось нашимъ отборнымъ стрѣлкамъ взять японскаго офицера на прицѣлъ, потому что они умѣли примѣняться къ мѣстности, а между тѣмъ всѣ они, и нижніе чины и офицеры, были всегда одѣты по формѣ и даже съ особою щеголеватостью.

Впереди отряда казаки несли на носилкахъ раненыхъ сегодня въ бою, одного офицера артиллериста, военного корреспондента Толузакова и нѣсколькихъ казаковъ. Изъ сосѣдней деревни прибыли имъ на смѣну китайцы, нанятые ординарцемъ генерала. Китайцы шли немного быстрѣе казаковъ, но галдѣли во все горло, точно хотѣли перекричать другъ друга, что раздражало раненыхъ.

Отрядъ вернулся въ Саймацзы въ сумерки. Въ нашемъ дворѣ уже размѣстились офицеры 2-го Аргунскаго полка. Пепино и назначенные мнѣ отъ третьей сотни вѣстовые укладывали вещи, не знали они только, что дѣлать съ обѣдомъ, заготовленнымъ на нѣсколько человекъ. Нужно намъ было перебраться въ городъ на прежнія квартиры. Я поѣхалъ впередъ, чтобы выбрать помѣщеніе; пришлось удовлетвориться довольно грязной фанзой — лучшія были уже заняты. Пока казаки и китайцы прибирали и чистили ее, я отправился къ коман. полкомъ и просилъ его разрѣшенія сдать въ полковой выючный обозъ часть моихъ вещей до пріобрѣтенія второго мула. Трухинъ отвѣтилъ, что онъ ничѣмъ не можетъ мнѣ помочь, потому что нѣтъ колеснаго обоза, а выюки всѣ заняты. Меня поразила какая-то беспомощность въ штабѣ полка: они голодали цѣлый день и, кромѣ чаю, ничего у нихъ не имѣлось поѣсть, лошади должны были

тоже довольствоваться однимъ гаолянѡмъ. Я подѣлился своимъ обѣдомъ съ командующимъ полкомъ и его штабомъ. Казначей Мотыгинъ нашелъ возможнымъ взять въ полковой обозъ мои два мѣшка съ консервами, когда я предложилъ за эту услугу дать половину консервовъ штабу.

Штабныя лошади не разсѣдывались, потому что ночью ожидалось нападеніе непріятеля. Чтобы засѣдлатъ, не торопясь, требовалось отъ пяти до восьми минутъ, имѣя же впереди сторожевое охраненіе, даже при внезапномъ нападеніи, часть располагала бы достаточнымъ временемъ для сѣдловки, завьючиванія и выступленія къ сборному мѣсту. Чѣмъ же оправдывалось приказаніе не разсѣдывать, т. е. не давать необходимаго отдыха лошадямъ и содѣйствовать сбитію спинъ?

Объявлено приказаніемъ по отряду, что всѣ части должны собираться у сѣверо-западной околицы города, если будетъ зажженъ сигнальный костеръ.

Мое положеніе было довольно затруднительное; я не имѣлъ возможности собственными средствами забрать всѣ свои вещи, полкъ отказался прійти мнѣ на помощь и я не могъ довѣрить вещи кому-нибудь изъ жителей Саймацзы, потому что они относились враждебно къ казакамъ за разныя притѣсненія и потравы полей и огородовъ. Этотъ жгучій вопросъ я рѣшилъ обсудить завтра, а теперь было поздно и нужно было отдохнуть на случай, если бы японцы потревожили насъ ночью.

16 мая. Вѣстовые узнали, что китайскія арбы, доставившія продукты для штаба дивизіи, возвращались сегодня въ Ляоянь. Безъ переводчика было трудно объясняться съ китайцами, однако моимъ казакамъ удалось сговориться съ однимъ изъ нихъ и онъ, за двадцать пять рублей, взялся доставить мои вещи въ Ляоянь. Опять пришлось дѣлать перекладку и отложить въ сторону все то, что не было необходимо сейчасъ; сюда я причислилъ пару вьючныхъ чемодановъ съ мундирами и орденами, которыхъ въ отрядѣ не носили. Сложилъ я эти вещи на арбу и, заплативъ впередъ за доставку, вручилъ китайцу записку князю Урусову, адъютанту ген. Куропаткина, въ которой просилъ его оставить вещи у себя на время. Владѣлецъ арбы не опасался хунхузѡвъ, онъ боялся только, что наши солдаты могутъ отнять у него поклажу вмѣстѣ съ арбой и мулами. Я ему выдалъ пропускъ, который онъ показывалъ на этапахъ, что дало мнѣ возможность прослѣдить, что вещи были дѣйствительно доставлены имъ въ

Ляоянь, но тутъ слѣдъ былъ затерянъ. Потомъ я опять напалъ на слѣдъ: въ одномъ изъ складовъ общины въ Харбинѣ, смотритель припомнилъ, что между вещами частныхъ лицъ была золотая казачья шашка, въ сѣромъ замшевомъ чехлѣ, по его описанію, совершенно схожая съ моею, но она и, вѣроятно, вмѣстѣ съ нею и другія мои вещи, кѣмъ-то были взяты и на этотъ разъ безслѣдно исчезли.

Получено было приказаніе собраться на сборномъ мѣстѣ и выступить въ десять часовъ утра. День былъ теплый, перепадаль мелкій дождь. Мы шли не спѣша, часто останавливались, непріятель насъ, очевидно, не тѣснилъ.

У насъ „генераль“ означало генерала Ренненкампа; въ дивизіи было еще два генерала: командиры бригадъ уралецъ ген.-м. Любавинъ и донецъ ген.-м. Грековъ, Митрофанъ, оба отличившіеся въ турецкую кампанію. Въ нашемъ отрядѣ была только бригада Любавина: 2-й аргунскій и 2-й Нерчинскій полки и входившіе временно въ его составъ: 1-й Аргунскій полкъ, 4-я Забайкальская казачья батарея и 23-й стрѣлковый полкъ. 2-й Верхнеудинскій входилъ въ составъ восточнаго отряда, а 2-й Читинскій находился при полевомъ штабѣ. Ген. Грековъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, подчинявшимся ген. Ренненкампу.

Мы подошли къ Фыншуйлинскому перевалу, третьему по названію на двадцати-верстной картѣ; нѣкоторыя названія деревень тоже повторяются.

Всѣ слѣзли и повели лошадей въ поводу; я предпочелъ бы остаться верхомъ, потому что съ непривычки личные сапоги мнѣ казались очень тяжелыми, но генераль смотрѣлъ зорко и не одобровать тому, будь онъ простой казакъ, офицеръ или генераль, кто остался бы на лошади, когда весь отрядъ спѣшенъ.

Вершину перевала составляла плоская, довольно обширная сѣдловина горъ. Съ краю, среди зелени, красовалась большая кумирня съ живущими рядомъ въ фанзахъ монахами-бонзами. Въ кумирнѣ хранились деревянные, ярко раскрашенныя статуи боговъ со своими атрибутами. Въ серединѣ сидѣлъ главный богъ, его правая рука лежала на колѣняхъ, а пальцы приподнятой лѣвой руки были сложены, какъ принято у христіанъ для знака благословенія. Съ правой стороны сидѣлъ богъ войны „Ліао“, съ чернымъ свирѣпымъ лицомъ и вооруженный съ ногъ до

головы. По лѣвую—былъ богъ кроткій съ бѣлымъ, женоподобнымъ лицомъ и скромно сложенными руками.

Все это было грубой работы, но среди расписныхъ стѣнъ съ рисунками и пестрыми іероглифами оно не было лишено художественности.

Расположеніе этой кумирни было замѣчательно удачно выбрано: въ обѣ стороны удалялись перспективы живописныхъ долинъ, а надъ нею возвышались сопки, покрытыя густымъ лѣсомъ и кустарниками.

Никто не подозрѣвалъ тогда, что не далѣе какъ черезъ два дня съ вершины этихъ сопокъ посыпется градъ пуль на довѣрчиво расположившійся бивакомъ отрядъ, что эта мирная и живописная площадка обогрится кровью и тамъ, гдѣ теперь начальство закусывало и пило чай, будутъ корчиться тѣла въ предсмертныхъ судорогахъ.

Спускъ съ перевала былъ короче подъема, долина расширялась; какъ будто было больше воздуха съ тѣхъ поръ, какъ мы выбрались изъ тѣснины. Это впечатлѣніе происходило вѣроятно отъ того, что насъ, родившихся на равнинѣ, угнетали давящія громады горъ. Лошади тоже шли замѣтно веселѣе.

Къ семи часамъ вечера мы подошли къ деревнѣ Нангушанъ, гдѣ была назначена ночевка. Сотни стали на бивакъ въ полѣ за дорогою. Казаки разбѣжались по деревнѣ и потащили къ биваку зерно, куръ, хворостъ для костровъ. Всѣ офицеры уже размѣстились по фанзамъ; только Трухинъ и его штабъ-адъютантъ Анисимовъ, казначей Мотыгинъ и врачи Архангельскій и Терешковичъ не имѣли еще пристанища, стояли посреди улицы, смотрѣли безучастно на разгромъ деревни и казалось не заботились ни о пищѣ, ни о ночлегѣ. Въ главномъ управленіи казачьихъ войскъ мнѣ сказали, что я былъ зачисленъ помощникомъ командира полка по строевой части и я думалъ, что это налагало на меня обязанность быть постоянно съ нимъ въ общеніи для приведенія въ исполненіе всѣхъ распоряженій, касающихся внутренняго порядка полка и строя, поэтому я оставался при штабѣ и готовъ былъ содѣйствовать общему благоустройству. Я приказалъ Пепино и своимъ вѣстовымъ разыскать фанзу, добыть провизіи и фуража и приготовить ужинъ. Фанза была найдена, но сотни успѣли раньше выбрать изъ нея все, что могло пригодиться. Только благодаря предусмотрительности Пепино, купив-

шаго нѣсколько куръ по дорогѣ, можно было приготовить ужинъ для всей нашей компаніи.

Мы не успѣли еще устроиться, какъ явился штабъ-трубачъ съ заявленіемъ, что у лошадей не было корма и имъ самимъ нечего было ѣсть; вслѣдъ за нимъ то же самое доложилъ старшій писарь, потомъ настала очередь фельдшеровъ. Тогда какъ у всѣхъ казаковъ въ сотняхъ варился супъ и чай въ котелкахъ, штабные должны были голодать, за отсутствіемъ распорядительности, а ихъ кони стояли съ понурыми головами и обгрызали плетни, къ которымъ были привязаны.

Я рѣшилъ, что такъ продолжать нельзя: въ штабѣ уже свыклись съ голодовкой и это считалось даже какимъ-то молодечествомъ. Трухинъ говорилъ: „Я не нуждаюсь ни въ чемъ и живу по-солдатски“... Съ этимъ я не могъ согласиться: во первыхъ, солдатъ не долженъ голодать никогда и начальство, допускающее это, поступало бы преступно, а во-вторыхъ, стараніе устроиться возможно лучше и содержать себя и свое помѣщеніе въ чистотѣ и порядкѣ не можетъ вредить службѣ, напротивъ оно даетъ здоровье и нравственное удовлетвореніе, которое слѣдовало бы поддерживать въ войскахъ, а не заглушать.

17 мая. Сотнѣ 2 Аргунскаго полка графа Комаровскаго было приказано занять Фыншуйлинскій переваль, который мы прошли вчера, другая сотня оставлена въ д. Нангушанѣ. Мы выступили въ половинѣ восьмого утра. По долину разстилался густой туманъ, но онъ скоро разсѣялся и насталъ чудный ясный день.

Въ полдень пришли въ Цзянь-чанъ. Это городокъ на берегу Тай-цзы-хэ, среди широкой долины. Начальникъ дивизіи и штабъ помѣстились внутри большой импани. Мѣста много, наши три казачьи полка размѣстились просторно въ городкѣ и по сосѣднимъ деревнямъ. Я выбралъ себѣ чистую фанзу у богатыхъ купцовъ и первымъ дѣломъ принялъ горячую ванну. Несмотря на угрызения совѣсти, я покинулъ многострадальный штабъ полка и, по совѣту Заботкина, зачислилъ себя и своихъ вѣстовыхъ на довольствіе во вторую сотню, которая, благодаря заботливости сотеннаго командира есаула князя Меликова, никогда не нуждалась ни въ чемъ.

Заботкинъ занялъ мѣсто въ одной фанзѣ со мною, мы прекрасно поужинали и легли спать, приказавъ вѣстовымъ насъ не будить, потому что генераль сказалъ, что мы будемъ здѣсь

отдыхать два или три дня. Это было необходимо, чтобы дать оправиться людямъ и лошадямъ, пробывшимъ немало времени на

51. Забайкальская казачья бригада въ походѣ.

пищѣ св. Антонія въ Саймацахъ, здѣсь же было изобиліе всего, оно казалось намъ чуть ли не раемъ земнымъ.

18 мая. Человѣкъ предполагаетъ, но начальникъ отряда рас-

полагаетъ: насъ разбудили въ четыре часа утра и передали приказаніе явиться въ штабъ дивизіи въ шесть часовъ.

Тамъ было намъ объявлено, что рѣшено общее наступленіе на Саймацзы, въ которомъ должны были принять участіе: съ юго-запада части восточнаго отряда подъ начальствомъ графа Келлера, съ запада, т.-е. по большой этапной дорогѣ изъ Ляояна, полторы дивизіи пѣхоты съ артиллеріей и 3-я и 6-я сотни нашего полка подъ начальствомъ генерала Ренненкампа и съ сѣвера, по пройденному нами третьяго дня пути, бригада генерала Любавина.

Такъ какъ Саймацзы уже былъ занятъ японцами, то генералу приходилось проѣхать черезъ Сяосырь на Гоньгауцзы, чтобы принять начальство надъ отрядомъ, атакующимъ Саймацзы завтра. Предстояло проѣхать девяносто слишкомъ верстъ, на это требовалось имѣть заводныхъ лошадей. Генералъ назначилъ меня сопровождать его и вступить въ командованіе нашихъ двухъ сотенъ, находившихся въ отрядѣ полковника Карцева у Сынгоулинскаго перевала.

Я былъ въ восторгѣ: послѣ интереснаго кавалерійскаго рейда, мы вступимъ въ бой, которымъ вѣроятно не ограничимся, а, разбивъ противника, пойдёмъ дальше на Фын-хуан-ченъ. Меня также радовало, что я увижусь съ Келлеромъ и я былъ увѣренъ, что съ нимъ мы будемъ имѣть успѣхъ.

Я бралъ съ собою легкій струковскій вьюкъ на заводной лошади; остальные вьюки должны были идти съ Пепино въ отрядѣ генерала Любавина. Мы предполагали, что у него дѣла не будетъ, потому что ему было приказано атаковать только тогда, когда онъ услышитъ наши орудійные выстрѣлы.

Мы выступили въ четверть десятаго. День былъ ясный, очень весело было идти перемѣнными аллюрами, но это продолжалось недолго, вьючный обозъ отсталъ и пришлось остановиться, чтобы его обождать, а потомъ мѣрить свой шагъ съ вьюками, хотя и облегченными, но все же задерживающими движеніе колонны. Шли мы слѣдующимъ порядкомъ: впереди шесть казаковъ дозорныхъ и съ ними ротмистръ Дроздовскій, шагахъ въ ста позади генералъ съ завѣдывающимъ его хозяйствомъ, оставленнымъ подъесауломъ Терскаго казачьяго войска Николаевымъ и адъютантами хорунжими Гейзелеръ и Козловскимъ, за ними нѣсколько лицъ изъ штаба дивизіи, потомъ конвойные съ вьюками и заводными лошадьми и между ними человекъ двѣнадцать

21

казаковъ, составлявшихъ, вмѣстѣ съ дозорами, наше прикрытие.

На летучемъ посту 1 Аргунскаго полка, верстахъ въ восьми отъ Цзян-чана, встрѣтился намъ сотникъ 2 Аргунскаго полка князь Леванъ Магаловъ; онъ доложилъ генералу, что выѣхалъ рано утромъ изъ Цзян-чана съ донесеніемъ къ полковнику Карцеву въ Гоньгауцзы и хотѣлъ пробраться по компасу прямо черезъ сопки, но былъ остановленъ въ одномъ ущельи хунхузами, засѣвшими надъ дорогою, среди скаль, и открывшими по немъ огонь; имѣя съ собою только шесть казаковъ, онъ не счелъ возможнымъ продолжать движеніе въ этомъ направленіи и вернулся на большую дорогу.

Подѣхалъ ко мнѣ конвойный осетинъ генерала Шахтievъ и спросилъ, не женатъ ли я на родственницѣ В. П. Шереметьева, онъ долго служилъ у него, зналъ всю семью и слыхалъ обо мнѣ. У насъ былъ еще одинъ общій знакомый Кайтовъ, мой бывшій кучерь, съ которымъ онъ служилъ въ турецкую кампанію. Теперь мы были кунаки и онъ не терялъ случая оказать мнѣ какую-нибудь услугу, справлялъ плетъ, чинилъ оборвавшійся ремешокъ, а на стоянкѣ угостилъ шашлыкомъ изъ старой, жесткой, какъ камень, неошипанной курицы.

Отъ половины третьяго до половины пятаго былъ первый приваль. Я попробовалъ поспать послѣ чаю и тщетныхъ усилій отгрызть кусокъ курицы, зажаренной Шахтievымъ. Было очень жарко и мѣхи изводили ужасно. Мы входили теперь въ районъ дѣйствій хунхузовъ; они здѣсь часто нападали на казаковъ летучей почты, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ долина суживалась; удивительно, что у насъ сравнительно такъ мало потерь: хунхузы, засѣвшіе на неприступныхъ утесахъ, могли бы разстрѣливать на выборъ проѣзжающихъ по дорогѣ, совершенно безопасно для себя.

Разливы Тай-цзы-хэ покрыли всю долину галькой, накаливающейся на солнцѣ чуть не до-бѣла; лошадямъ было очень тяжело ступать по ней и онѣ шли точно ощупью.

Мы пришли въ Сяосыръ въ 8 часовъ вечера и остановились всѣ вмѣстѣ въ просторной фанзѣ богатаго купца. Какъ у всѣхъ торговцевъ, жилища фанзы находились въ глубинѣ двора, а лавки выходили на улицу. Дворъ былъ окруженъ высокой каменной стѣной, крыльцо обложено плитами и огорожено каменной рѣшеткой со столбами, на которыхъ скалили зубы изображенія чудо-

вищъ, не то львовъ, не то собакъ. У входа росли два кипариса, а вокругъ террасы цвѣли розы.

Намъ было подано по кружкѣ чаю съ кусочкомъ сахару въ прикуску. Сахаръ составлялъ такую рѣдкость въ отрядѣ, что генераль привыкъ совсѣмъ безъ него обходиться.

Выступление назначено въ двѣнадцать часовъ ночи; мы легли спать въ девять, а въ одиннадцать насъ разбудили къ ужину; горячій супъ отогналъ сонъ и подкрѣпилъ насъ.

Передъ выступленіемъ проводникъ, договорившійся указать намъ дорогу, исчезъ. Генераль крикнулъ на хозяина нашей фанзы, что онъ дастъ ему сто плетей, если не будетъ сейчасъ же другой. Черезъ пять минутъ проводникъ нашелся, но у него не было лошади. Новыя угрозы злополучному хозяину получить сто, двѣсти, триста плетей воздѣйствовали и лошадь тоже была добыта. Мы тронулись въ путь.

Небо заволокло кругомъ тучами, перепадаль мелкій дождь, а иногда и довольно крупный. Луна изрѣдка проглядывала изъ-за тучъ, но весьма слабо освѣщала нашъ путь. Мы шли сперва довольно ровной дорогой, прошли черезъ деревню по улицѣ, напоминавшей матушку-Москву съ ея необтесанными булыжниками вмѣсто мостовой. Въ верстѣ далѣе пришлось слѣзть и вести лошадей на поводу по скользкимъ плитамъ, мѣстами залитымъ рѣкою. Можетъ быть, днемъ здѣсь не такъ скверно, какъ казалось, ночью же это было довольно неприятно. Мы переправлялись несчетное количество разъ черезъ бурную рѣчку, опасаясь принять холодную ванну; лошади скользили и спотыкались, ступая на круглыя слизистыя глыбы, которыми было усѣяно дно рѣки, вода подходила имъ по брюхо. Чувствовалось облегченіе, когда выбрались на другой берегъ, но не надолго—саженей сто или двѣсти далѣе мы подверглись тѣмъ же испытаніямъ.

Генераль сказалъ мнѣ, что, по показаніямъ мѣстныхъ жителей, въ этомъ ущельѣ орудуютъ около ста пятидесяти хунхузовъ, ежеминутно можно было ожидать залпа, что задержало бы наше движеніе впередъ. Я думалъ, что въ случаѣ нападенія, намъ слѣдовало возможно скорѣе проскочить впередъ, не отвѣчая на выстрѣлы. Мы ожидали серьезнаго боя съ непріателемъ и была бы какою-то злою насмѣшкою задержка въ пути хунхузами.

Зажигались со всѣхъ сторонъ свѣтляки, а я слышалъ, что кто-то изъ офицеровъ утверждалъ, что это была сигнализациа электрическими лампочками японскихъ разъѣздовъ.

Встрѣченные китайцы говорили, что японцы заняли Сын-гаулинскій переваль и выслали патрули впередъ и въ стороны; въ такомъ случаѣ дорога на Саймацзы намъ была отрѣзана, но это генерала нисколько не смущало.

Наша маленькая колонна шла узкою тропою, справа по одному, и растянулась на большое разстояніе, вьюки и заводныя лошади отстали далеко. Авангардъ шель кучкой, имѣя между двумя казаками привязаннаго проводника, ни одного дозора не высылалось ни впередъ ни въ сторону. Это стремленіе казаковъ скучиваться въ ожиданіи встрѣчи съ непріателемъ было неразумнымъ стаднымъ инстинктомъ стать подъ защиту товарища.

Показанія китайцевъ о близости японцевъ подтвердились всѣми встрѣчными. Дѣлалось тревожно, казаки начали беспокоиться и колонна сразу подтянулась.

Дождь усилился, дорога длилась безъ конца. Меня такъ клонило ко сну, что я позабылъ о японцахъ и хунхузахъ и, казалось, отдалъ бы полжизни, чтобы склонить голову и уснуть хотя бы на полчаса. Я дремалъ и едва держался въ сѣдлѣ; меня поддерживалъ немного коньякъ, который я пилъ по каплѣ отъ времени до времени. Уже давно разсвѣло, теперь все-таки легче, потому что видишь—куда ступать и на дорогѣ черезъ лѣсъ не хлещутъ вѣтки по лицу. Всему настанетъ конецъ, насталъ конецъ и нашему странствованію... Къ десяти часамъ утра мы пришли въ Гоньгауцзы, разоренное село съ нѣсколькими оставшимися жителями. Николаевъ распорядился обыскомъ фанзъ, но, несмотря на крики, брань и угрозы, не нашлось ничего.

Генераль стрѣлялъ изъ маузеровскаго револьвера по чушкамъ (такъ казаки называли свиней); вѣроятно онъ попадалъ въ цѣль, такъ какъ стрѣлялъ превосходно и не разъ упражнялся успѣшно по японцамъ, но свиньи убѣгали умирать подальше отъ казачьихъ котловъ.

Старшій адъютантъ дивизіи, капитанъ ген. штаба Шнабель писалъ полковнику Карцеву подъ диктовку генерала: „удивляюсь, почему вы отступаете, когда приказано наоборотъ“.

Я расположился отдѣльно отъ штаба, вмѣстѣ съ Шнабелемъ и Эдлундомъ, которые были приглашены обѣдать у генерала. Казакъ вѣстовой мнѣ зажарилъ шашлыкъ изъ поросенка; Эдлундъ, пообѣдавши у генерала, основательно принялся за поросенка, точно онъ ничего не ѣлъ съ утра.

Явился Карцевъ и доложилъ, что онъ не только не отступалъ, но занялъ своимъ отрядомъ позицію впереди Сыгоулина.

Сотни нашего полка, которыми я долженъ былъ командовать, были отосланы Карцевымъ въ Цзянь-чанъ съ транспортомъ кружнымъ путемъ—Фанцзяпуцзы — Сяосыръ — Цзянь-чанъ. Эту колонну повелъ есауль князь Арсеній Карагеоргиевичъ, вернувшийся изъ отдаленной развѣдки въ тылу у непріятели.

Насъ очень огорчило полученное сейчасъ донесеніе о неожиданномъ нападеніи японцевъ на отрядъ генерала Любавина на маломъ Фыншуйлинскомъ перевалѣ. Подробности дѣла слѣдующія: генералъ Любавинъ прибылъ со своимъ отрядомъ на вершину перевала вчера въ два часа дня и расположился тамъ бивакомъ, спросивъ предварительно у гр. Комаровскаго, стоявшаго тамъ съ сотней на аванпостахъ, близокъ ли непріятель; на это Комаровскій отвѣтилъ, что непріятели вблизи нѣтъ и что онъ ручается за безопасность отряда. Были разбиты коновязи, вьюки сняты, казаки стали варить у костровъ чай, а офицеры принялись за чай, они сидѣли у кумирни съ кружками въ рукахъ, какъ вдругъ раздались съ высоты сопокъ залпы и затѣмъ пальба пачками. Сейчасъ же были ранены подполковникъ Заботкинъ въ руку легко, докторъ Архангельскій сквозной раной въ ногу, убито шесть казаковъ, ранено двадцать три, болѣе тридцати лошадей было убито и пристрѣлено. Пальба продолжалась около получаса съ трехъ мѣстъ на сопкахъ. Паника была всеобщая. Казаки вскакивали на неосѣдланныхъ лошадей и бросались на утекъ внизъ подъ гору. Одинъ генералъ Любавинъ сѣлъ на коня совершенно спокойно и старался ввести какой-нибудь порядокъ. Докторъ Архангельскій, перевязавъ себѣ рану, принялся за перевязку другихъ. Есауль Шульженко съ саперной командой бросился вверхъ на сопку на ура, но когда они добрались до вершины, никого тамъ не оказалось: непріятель успѣлъ скрыться.

1-я и 2-я сотни Нерчинскаго полка, подходившія къ отряду во время этого нападенія, продвинулись впередъ, черезъ перевалъ, но непріятели тоже не видѣли. Весь отрядъ отошелъ назадъ, побросавъ много вьюковъ и офицерскихъ вещей. Вернушіеся саперы сказали, что по гребню сопокъ были проложены тропы, срублены сучья и устроены перила; видно, что засада была подготовлена заблаговременно; предполагали, что нападеніе было произведено небольшимъ развѣдочнымъ отрядомъ, который имѣлъ въ виду только нашу передовую сотню, прибытіе же на

бивакъ въ это мѣсто цѣлаго отряда было неожиданно для японцевъ и послужило болѣе внушительному погрому, послѣ котораго японцы, по незнакомымъ намъ горнымъ тропамъ, исчезли безслѣдно.

Когда казаки успокоились и убѣдились, что неприятель удалился, отрядъ вернулся на переваль. Брошенныхъ тамъ вещей не было найдено; предполагалось, что китайцы растаскали все и унесли въ горы, но было подозрѣніе, что казаки тоже немало подобрали изъ приглядѣвшихся имъ офицерскихъ вещей. Изъ двухъ мѣшковъ съ консервами, сданныхъ мною въ полковой обозъ, одинъ пропалъ; все же, что было на рукахъ у Пепино, въ цѣлости. Онъ подобралъ все, что было снято съ вьюковъ, навьючилъ опять и, вмѣстѣ съ оставшимся при вещахъ вѣстовымъ, пустился въ обратный путь, преслѣдуемый пулями. Онъ говорилъ потомъ, что ему было очень страшно и онъ торопился уйти возможно скорѣе изъ-подъ выстрѣловъ, но что китайцы испугались больше его, бѣжали безъ оглядки и визжали, какъ будто ихъ рѣзали. Любопытно, что когда я договаривалъ его ѣхать на войну, онъ опасался, какъ бы японцы не подстрѣлили его или не взяли въ плѣнъ; на это я возразилъ, что кромѣ кухоннаго огня, онъ другого не увидитъ; оказалось же, что онъ былъ въ настоящемъ огнѣ раньше меня и держалъ себя лучше многихъ военныхъ денщиковъ и вѣстовыхъ, побросавшихъ вещи своихъ господъ.

20 мая. Наступленіе началось въ 4 ч. утра. На Сыгоулинскомъ перевалѣ мы обогнали 23-й полкъ и семь горныхъ орудій. Торопили войска, спѣшили сами и что же—все оказалось напраснымъ: получено донесеніе, что Саймацзы оставлено японцами и было занято шестью баталіонами при шестнадцати орудіяхъ отряда гр. Келлера. Мы двинулись впередъ перемѣнными аллюрами и прибыли въ Саймацзы въ половинѣ девятаго. Келлера уже тамъ не было, онъ спѣшилъ назадъ въ Ляншангуанъ по приказанію командующаго арміей. Я не зналъ, что генералъ Ренненкампфъ поѣхалъ за Келлеромъ и нагналъ его; я бы непременно отпросился ѣхать тоже, очень жалѣлъ, что мы были такъ близко одинъ отъ другого и не удалось повидаться. Я узналъ стороною, что Келлеръ просилъ генерала Ренненкампфа передать мнѣ привѣтъ, но генералъ не сказалъ мнѣ ни слова.

Дождь, довольно сильный съ утра, сталъ слабѣть. Я занялъ прежнюю фанзу, хотя она была неприглядна, зато я въ ней былъ одинъ.

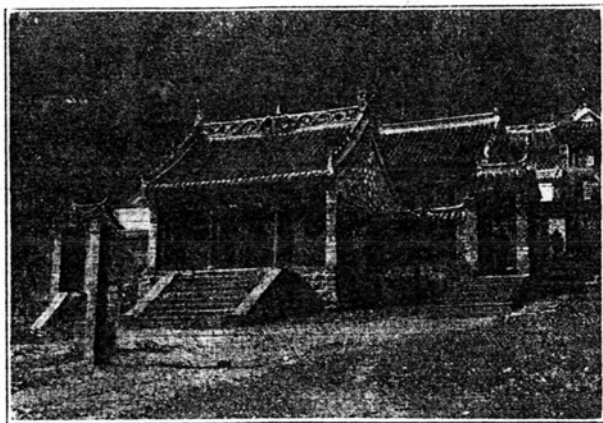
Я хотѣлъ купить казачье сѣдло, полагая, что сѣдла убитыхъ казаковъ, какъ и все ихъ имущество, будетъ продаваться съ аукціона, какъ мы то практиковали въ донскихъ полкахъ во время турецкой войны, но всѣ сѣдла съ убитыхъ лошадей были въ Нерчинскомъ полку сожжены.

На полугорѣ, среди густого лѣса возвышалась большая кумирня съ жильемъ для бонзъ. Туда, поочереди, посылались на пастбу лошади сотень, такъ какъ корма не было нигдѣ. И мы и японцы окончательно опустошили Саймацзы и его окрестности. Несмотря на живописное расположеніе, на богатые фанзы въ городкѣ, на присутствіе важнаго китайскаго чиновника и его вооруженной охраны, въ Саймацзы можно умереть съ голода,

какъ въ сыпучихъ пескахъ Сахары.

Получилъ письмо изъ Петербурга отъ 24 апрѣля.

21 мая. Генераль Ренненкампфъ съ двумя сотнями Аргунскаго полка, сотней 2 Верхнеудинскаго полка, есаула Арсеньева и охотничьей команды 23 стрѣлковаго полка отправился утромъ на рекогносцировку пе-

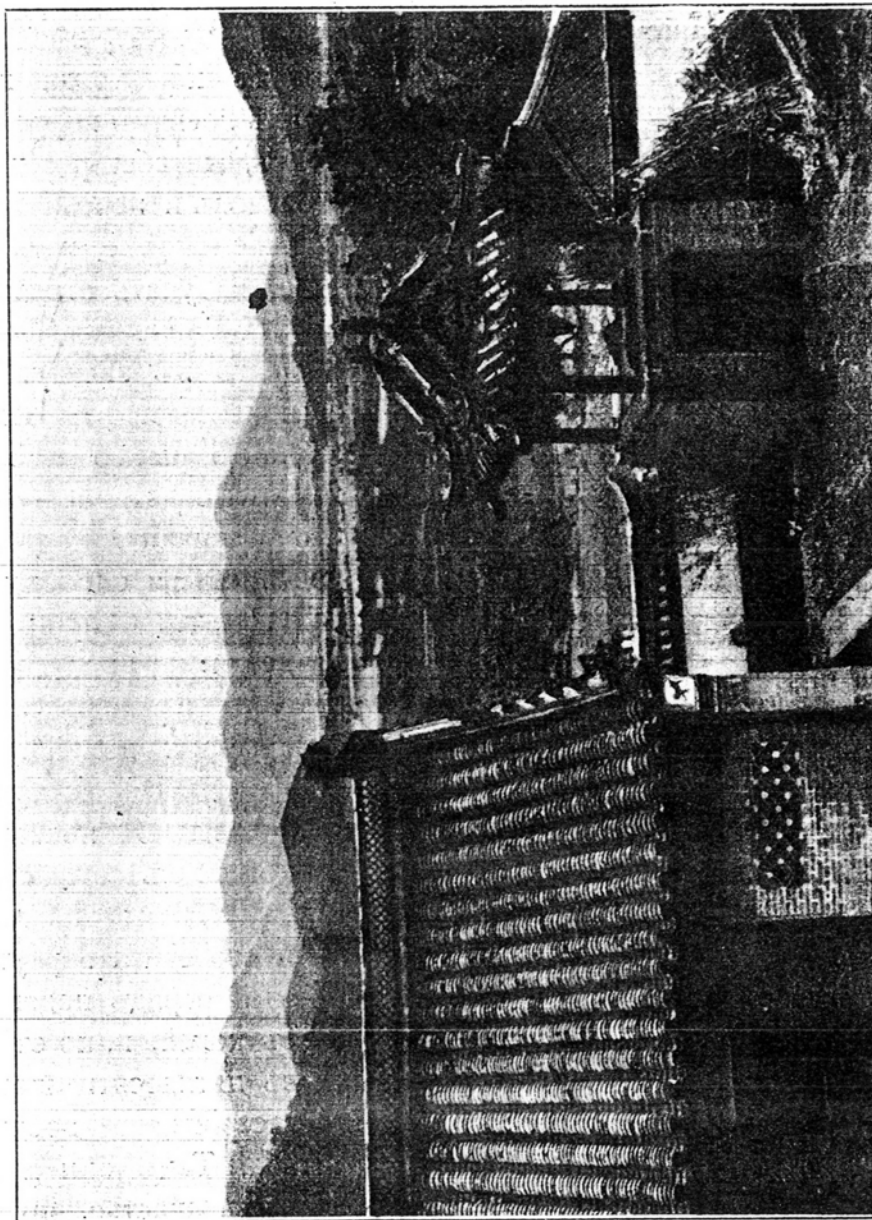

52. Кумирня у Саймацзы.

ревала къ Ай-ян-ямыну. Мнѣ очень хотѣлось просить генерала, чтобы онъ взялъ меня съ собой, но я воздержался, памятуя, что „отъ службы не надо отказываться и на службу не напрашиваться“.

Я рисовать у кумирни и глядѣлъ на чудный видъ, открывавшійся оттуда на долину Бадао-хэ, на амфитеатръ лѣсистыхъ горъ, окружающихъ ее, на живописно разбросанную по обоимъ берегамъ рѣки д. Саймацзы. Невольно обратилъ я вниманіе на высокую крутую сопку, подъ которой ютился городокъ. Если бы на вершину этой сопки взобрался небольшой непріятельскій отрядъ, то ему можно было бы оттуда перестрѣлять много народу и лошадей, расположенныхъ по дворамъ города, прежде чѣмъ удалось бы намъ ихъ оттуда вытѣснить, потому что забайкальцы лазить по сопкамъ не горазды. Такое же удобное мѣсто

для засады имѣлось позади кумирни, но ни тутъ ни тамъ у насъ не было наблюдательныхъ или сторожевыхъ постовъ, а четыре дня спустя я видѣлъ на этихъ сопкахъ японскихъ всадниковъ со значками въ рукахъ.

53. Видъ на Саймацзы изъ кумирни.

Въ 2 ч. 25 мин. я получилъ отъ генерала Любавина письменное приказаніе идти немедленно усиленными аллюрами на подкрѣпленіе генерала Ренненкампа съ одной сотней Нерчинскаго и съ одной Аргунскаго полковъ. Черезъ десять минутъ я выѣхалъ, приказавъ командиру первой нашей сотни, есаулу Энгельгардту,

догонять меня крупной рысью. Аргунцы, получившіе приказаніе прямо отъ генерала Любавина, уже выступили подь командой подьесаула Шунгѣва, раненаго въ ногу подь Ай-ян-ямыномъ, но оставшагося въ строю. Мы уже перебрались черезъ малый переваль недалеко отъ Саймацзы, когда прискакаль казакъ съ словеснымъ приказаніемъ генерала остановиться. Черезъ нѣсколько

54. Карликъ бонза въ Кумирнѣ у Саймацзы.

минуть изъ отряда подьѣхаль военный корреспондентъ, штабсъ-ротмистръ Красновъ и передалъ приказаніе скорѣе идти впередъ выручать отрядъ генерала Ренненкампа, попавшаго въ засаду. Уже слышны выстрѣлы. Идемъ крупной рысью и наметомъ. Встрѣтилась намъ отступающая полусотня аргунцевъ, я спросилъ на ходу: „что случилось“, отвѣтили: „разстрѣляли патроны и генераль отослалъ насъ домой“. Немного далѣе отступали

остальныя части отряда съ генераломъ впереди. Я поскакаль карьеромъ къ генералу и доложилъ о прибытіи съ сотнями, но было уже поздно, насъ пощелкали и мы уходили, не сладко похлебавши; удивительно только, что генераль и его свита вернулись цѣлыми и невредимыми. Рекогносцировочный отрядъ подошелъ къ ай-ян-ямынскому перевалу, всѣ слѣзли съ коней, и, по своему обыкновенію, генераль полѣзъ на гору въ пятидесяти шагахъ позади дозорныхъ, въ сопровожденіи австрійскаго военнаго агента, графа Шептицкаго и чиновъ штаба. Такъ они дошли благополучно до вершины перевала. На ихъ счастье, японцы въ эту минуту тамъ не были, но найдены слѣды ихъ недавняго пребывания въ этомъ мѣстѣ, 12 или 15 человекъ. Цѣль рекогносцировки была выполнена: выяснено было, что переваль былъ свободенъ, и отрядъ сталъ отходить назадъ, не замѣтивъ, что штабсъ-ротмистръ Цедербергъ съ двумя казаками отдѣлился въ сторону и къ отряду не вернулся.

На перевалѣ оставленъ былъ постъ, а позади его въ долину расположилась застава. Когда главныя силы подходили къ малому перевалу и оставалось до Саймацзы версты двѣ, послышались сзади выстрѣлы, и прискакавшій казакъ донесъ, что съ сопку японцы открыли огонь по оставшимся посту и заставѣ, что Цедербергъ былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ. Генераль Ренненкампфъ вернулся на рысяхъ и вступилъ въ бой. Казаки были спѣшены, открылась перестрѣлка, но выбить непріятели съ позицій не оказалось возможнымъ, и наши отступили, не выручивъ Цедерберга. Наши потери: одинъ охотникъ и одинъ казакъ убиты, одинъ стрѣлокъ охотникъ и шесть казаковъ ранены.

Начальникъ охотничьей команды говорилъ, что царилъ полный безпорядокъ, казаки, введенные въ заблужденіе отзвукомъ въ горахъ, атаковали одну сопку, гдѣ японцевъ не было. Выпущено было громадное число патроновъ попусту.

Графъ Шептицкій говорилъ мнѣ, что было очень жутко идти съ генераломъ на перевалъ пѣшкомъ, не зная, занятъ ли онъ непріателемъ или нѣтъ. Онъ находилъ, что генераль напрасно держался все время въ цѣпи, упражняясь стрѣльбою изъ маузеровскаго штуцера-револьвера, что это мѣшало ему видѣть, что происходило сзади и руководить боемъ. Про генерала говорили, что онъ въ бою ведетъ себя, какъ отчаянный корнетъ, а вовсе не какъ генераль.

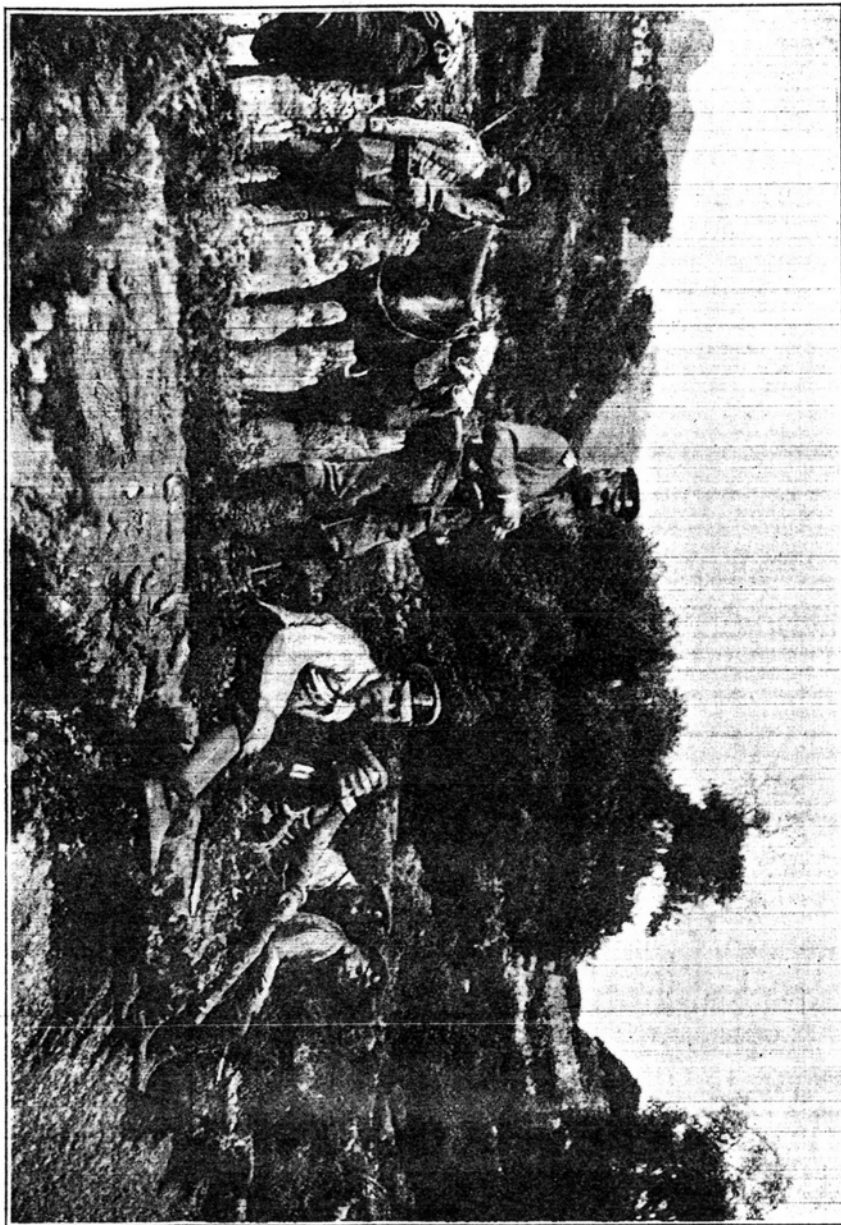
Раненыхъ несли казаки на носилкахъ, составленныхъ изъ палатокъ, съ пропущенными по бокамъ сквозь рубцы палками. Казаковъ смѣнили китайцы.

Не доходя до города, мы узнали, что Цедербергу удалось спастись: онъ взобрался на вершину сопки и оттуда разсматривалъ расположеніе японцевъ въ тылу перевала, какъ вдругъ стали въ него стрѣлять человекъ шесть хунхузовъ. Отстрѣливаясь, онъ бѣжалъ съ двумя казаками по тропѣ вдоль гребня сопки и благополучно достигъ до Саймацзы. Отлегло тяжелое чувство, что товарищъ былъ покинутъ, всѣ радовались видѣть его живымъ и здоровымъ.

Вечеромъ сотенные командиры были вызваны въ штабъ дивизіи для составленія списковъ, представленныхъ къ награжденію знаками отличія военнаго ордена.

Всѣ голодали; у меня, кромѣ консервовъ, былъ рисъ, мука для печенія лепешекъ, замѣняющихъ хлѣбъ и немного сахару. Я поочереды приглашалъ товарищей къ себѣ обѣдать, но спирт-

надъ облакомъ спустившагося тумана вдругъ появились очерта-
нія вершинъ горъ, отливавшихся золотомъ на лазури неба, и, по-
степенно расширяясь, открывали сочную зелень лѣсовъ и фіолето-

63. Офицеры моего отряда.

вые тѣни глубокихъ падей. Наконецъ, туманъ стаялъ на солнцѣ
и предстала предъ нами великолѣпная картина горнаго ландшафта:
мы шли вдоль весело журчавшаго ручья по долинь, нетронутой
плугомъ, гдѣ полевые цвѣты пестрѣли въ травѣ, сверкающей

росой, какъ драгоценные камни. По обѣимъ сторонамъ надъ лѣсомъ поднимались громады горъ, то покрытыя свѣжею растительностью, то обнаженныя и такъ же расцвѣченныя разными красками подъ лучами небеснаго волшебника-солнца.

Въ 9 ч. утра пришли въ Цзянь-Чанъ. Было получено печальное извѣстіе о смерти адъютанта Ренненкампа, Козловскаго, убитаго во время развѣдки на томъ же Маломъ Фыншуйлинѣ, гдѣ легло уже столько жертвъ. Я пригласилъ завтракать командира первой сотни нашего полка есаула Энгельгардта и младшаго офицера подесаула Черкесова. Они оба служили въ уланахъ Его Величества, оба спортсмены и любили свѣтскую жизнь. Энгельгардтъ кончилъ академію, но предпочелъ служить въ строю. Это блестящій офицеръ во всѣхъ отношеніяхъ и имъ должны дорожить въ арміи. Завтракалъ тоже князь Карагеоргиевичъ.

Я получилъ предписаніе выступить завтра въ Сяосырь съ 1-й и 2-й сотнями Нерчинскаго полка и тамъ подчинить себѣ 5-ю сотню нашего полка и одинъ баталіонъ Стрѣтенскаго пѣхотнаго полка со взводомъ артиллеріи пограничной стражи, если командиръ баталіона будетъ моложе меня чиномъ. Вечеромъ начальникъ штаба передалъ мнѣ краткія инструкціи. 2-я сотня Меликова должна была содержать летучую почту.

1 іюня. Былъ тихій солнечный день. Мы выступили въ 7 ч. утра. Въ 8 верстахъ отъ Цзянь-Чана мы смѣнили постъ Аргунскаго полка. Пока собирались казаки, офицеры усѣлись на берегу Тай-Цзы-хэ и я снялъ на память фотографическую группу.

Чтобы не утомлять лошадей, мнѣ было предоставлено идти до Сяосыря въ два перехода. Было еще рано, когда мы остановились на полпути въ д. Ча-цзя-данъ. Тамъ все было съѣдено, вытравлено и разорено предшествующими отрядами; нашлись только нѣсколько поросятъ, пришлось посылать на фуражировку.

2 іюня. Мы выступили въ 6 ч. утра и пришли въ Сяосырь въ 9. Получено свѣдѣніе, что ген. Ренненкампафъ прибудетъ въ Сяосырь къ полудню. Онъ ѣхалъ, чтобы принять начальство надъ отрядомъ ген. Грекова и вновь попытаться завладѣть Саймацзами. Генерала сопровождало нѣсколько офицеровъ, отъѣзжающихъ въ Ляоянь на новое назначеніе или въ ожиданіи великихъ милостей.

Я познакомился съ командиромъ баталіона, подполковникомъ Шестаковымъ; чтобы вызвать его на откровенность и узнать, кто изъ насъ старше, я сказалъ, что въ чинѣ подполковника прослужилъ до отставки 7 лѣтъ, на это онъ мнѣ ничего

64. Мой отрядъ на походѣ.

не отвѣтилъ, а полковнику Россійскому сказалъ, что у него 7 лѣтъ и 8 мѣс. службы въ послѣднемъ чинѣ. Такимъ образомъ, начальникомъ Сяосырсакаго отряда былъ назначенъ Шестаковъ. Но по распоряженію генерала, я и мои сотни ему не подчинялись.

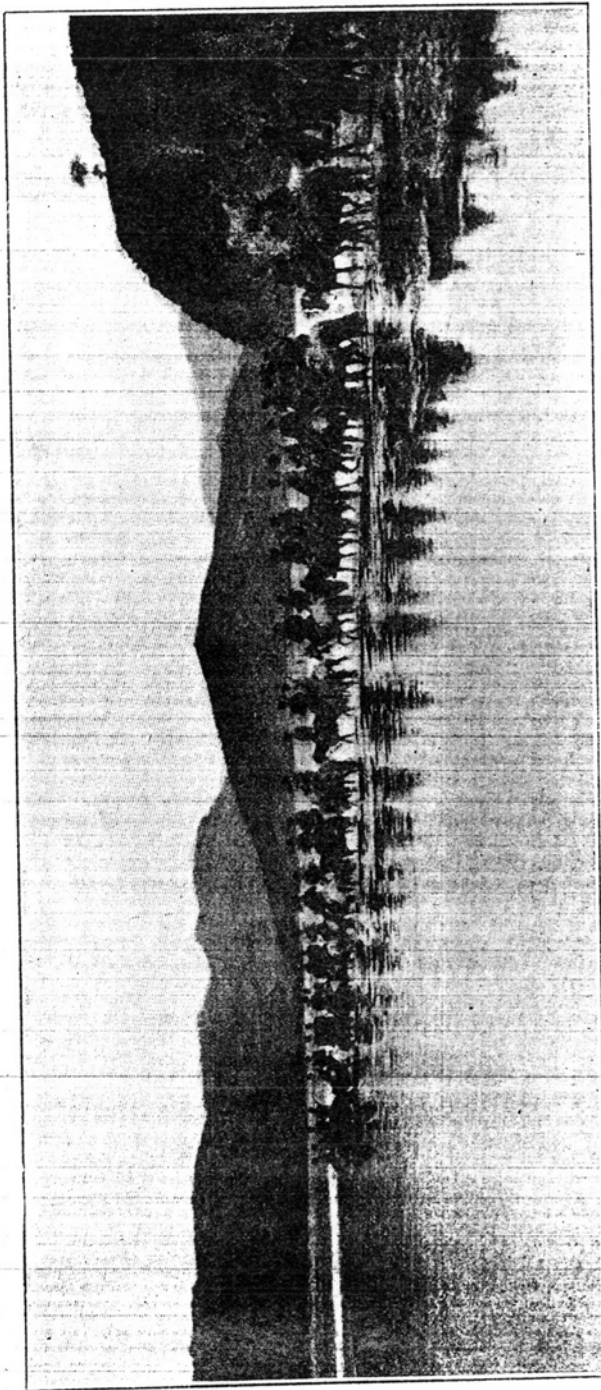
Я подозрѣвалъ, что у Шестакова оказалось 8 мѣсяцевъ старшинства только потому, что онъ желалъ быть начальникомъ отряда. Мнѣ было рѣшительно все равно, былъ я или другой начальникомъ, разъ что не ожидалось дѣйствій противъ непріятеля. Взглянувъ въ послѣдствіи въ мой формулярный списокъ, я нашелъ, что въ чинѣ подполков-

ника я прослужилъ 8 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ; еслибы это зналъ Шестаковъ, ему пришлось бы накинуть еще годикъ службы.

Генераль и его свита уѣхали въ 4 часа. Въ 7 ч. вечера поданъ былъ намъ обѣдъ, который Пепино обставилъ особенно торжественно по случаю дня моего рожденія.

3 іюня. Мы наслаждались полнымъ отдыхомъ. Меликовъ и я держали совмѣстно хозяйство и кухню. Пепино долженъ былъ чередоваться съ Николаемъ, бывшимъ полицейскимъ урядникомъ на Кавказѣ, котораго Меликовъ взялъ съ собою въ качествѣ нукера; онъ былъ зачисленъ въ полкъ охотникомъ, и хотя его обыкновенная обязанность была кормить своего „князя Никола“ какъ онъ называлъ Меликова, завѣдывать его хозяйствомъ и вести письмоводство, но онъ предпочиталъ всему этому ночныя развѣдки, для которыхъ имѣлъ особое призваніе. Николай былъ хорошій стрѣлокъ и любилъ опасность. Меликову онъ былъ преданъ, какъ собака. Нашимъ офицерамъ было объявлено, что завтракъ будетъ подаваться въ 12 час., а обѣдъ въ 7 ч. вечера. Просили не опаздывать. Сегодня къ обѣду былъ приглашенъ Шестаковъ.

Черезъ руки князя Меликова, содержащаго летучую почту, проходила вся корреспонденція въ стороны: къ Цзянь-Чану и Ляояну. Такъ какъ конверты не приказано было заклеивать, чтобы каждый офицеръ могъ бы ознако-

№ 65. Переправа чрезъ Тай-Цзы-Хэ.

миться съ содержимымъ, то мы были освѣдомлены о всемъ, что происходило въ нашихъ двухъ отрядахъ — ген. Ренненкампа и Любавина. Это насъ интересовало въ высшей степени и мы все

66. Группа офицеровъ Сюсмярскато отряда.

надѣялись, что и насъ потребуютъ для дѣйствій противъ непріятеля. Мы не могли вѣрить, что генераль оставитъ сзади двѣ лучшія сотни полка, если будутъ ожидать серьезныя дѣла. Ночью не

было приятно помѣщаться въ одной комнатѣ съ начальникомъ лѣстучей почты. Стучался въ дверь казакъ съ донесеніемъ, Меликовъ зажигалъ свѣчку, будилъ Корфа, читалъ ему бумагу и диктовалъ ему отвѣты. Не всегда получаемыя сообщенія стоили того, чтобы не спать ночью, но нельзя было не прислушиваться къ тому, что читали, такъ какъ оно могло касаться лично насъ.

Въ ночь съ 3 на 4 іюня пришло сообщеніе начальника восточнаго отряда генералу Ренненкампу: „у Штакельберга идетъ бой, я наступаю на Фынхуанченъ, Грековъ—на Саймацзы, прошу Ваше Превосходительство насъ поддержать“. Другое отъ генерала Ренненкампа генералу Любавину въ Цзянь-Чанъ: „идти немедленно съ пятью сотнями на Саймацзы, оставивъ въ Цзянь-Чанѣ три сотни подъ командой опытнаго штабъ-офицера. Въ случаѣ общаго отступленія, Читинская сотня отходить на Синзинтинъ“... О насъ забыли.

Подъ утро разразилась сильная гроза съ проливнымъ дождемъ.

4 іюня. Пасмурно, моросилъ мелкій дождь. Прибылъ есауль Шаншіевъ съ 5-й сотней нашего полка. Младшимъ офицеромъ у него былъ сотникъ Обуховъ. Я поставилъ сотню бивакомъ за сѣверныя околицы мѣстечка, рядомъ со взводомъ артиллеріи пограничной стражи корнета... бывшего пажа.

Пѣхотный патруль донесъ, что видѣлъ недалеко отсюда хунхузовъ. Прибывшій изъ Цзянь-Чана адъютантъ штаба дивизіи по хозяйственной части есауль Поповицкій говорилъ, что въ трехъ верстахъ по направленію къ Цзянь-Чану онъ самъ видѣлъ на сопкахъ около 2 ротъ пѣхоты и пол-эскадрона непріятельской кавалеріи. Я приказалъ сѣдлатъ 1-й и 5-й сотнямъ и выѣхалъ съ ними въ указанномъ направленіи. Подъесауль Черкесовъ съ авангардомъ выдвинулся впередъ на рысяхъ, мы слѣдовали за нимъ тоже рысью. Шли мы узкимъ ущельемъ по извивавшейся дорогѣ, верстъ пять мы не видѣли никого. Я становилъ сотню и поднялся съ трубачомъ на сопку, но оттуда тоже не видно было непріятели. Нашъ спѣшенный авангардъ подвигался по гребню горы справа. Влѣво и впереди въ лоцинѣ шли вразсыпную 2 взвода, посланные Шестаковымъ, какъ только онъ получилъ донесеніе отъ своего патруля о близости хунхузовъ. Внизу въ небольшой деревушкѣ я замѣтилъ, что нѣсколько солдатъ что-то таскали изъ фанзъ. Я спустился къ

ко они узнали о нашем движеніи. Китайцы говорили, что здѣсь по сопкамъ ихъ было очень много, а казаки летучей почты въ обѣ стороны чуть ли не каждый день имѣли съ ними перестрѣлку.

Дни проходили за днями, а отъ генерала я не получалъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемаго предписанія явиться съ сотнями въ отрядъ. Было очень обидно. Погода стояла дождливая, временами, въ особенности ночью, бывали зловѣщія южныя грозы, съ дождемъ, лившимъ буквально какъ изъ ведра.

8 іюня. Небо очистилось. Насъ порадовало появленіе солнца, но вмѣстѣ съ нимъ распространился страшный смрадъ отъ навозныхъ кучъ, сваленныхъ прямо на улицѣ, и разныхъ животныхъ отбросовъ, гніющихъ за околицей, недалеко отъ нашей фанзы.

Начальникъ гарнизона постоянно придирался къ намъ и поставилъ въ мѣстечкѣ караулы, не пропускавшіе казаковъ изъ одного квартала въ другой, во избѣжаніе грабежа и насилія надъ женщинами, тогда какъ въ этомъ были виновны только разнузданные солдаты, призванные изъ запаса. Одинъ изъ нихъ укралъ у насъ кострюльку, которая была разыскана въ ротѣ. О томъ же, чтобы принять мѣры противъ заразы, распорядиться о вывозѣ китайцами навоза и разныхъ отбросовъ на свои поля, о вырытіи выгребныхъ ямъ, онъ не заботился. Я сожалѣлъ, что уступилъ ему право старшинства за чечевичную похлебку.

Пользуясь хорошей погодой, я предложилъ нашимъ офицерамъ устроить пикникъ въ трехъ верстахъ отъ Саосыря у живописной деревни Са-мя-пу. Николай и Пепино выѣхали вперёдъ съ пѣсенниками, забравъ съ собою барашка для шашлыка, чай и нѣсколько бутылокъ вина и бисквиты, найденные въ прибывшемъ сегодня обозѣ нашего полка подъ начальствомъ подьесаула Зотова.

Китайцы наловили мелкой рыбы, которая сейчасъ же была изготовлена, пока Николай жарилъ шашлыкъ. Мы расположились на скалѣ, выступающей въ рѣку. При заходѣ солнца здѣсь было очень красиво. Пѣсенники пѣли, мы весело болтали, не подозревая, что черезъ мѣсяць у насъ будетъ на этомъ самомъ мѣстѣ жестокій бой. Вернулись съ пѣснями домой при чудномъ лунномъ освѣщеніи.

9 іюня. Ясная погода установилась, повидимому, періодъ

дождей еще не настала. Жара начиналась съ девяти часовъ утра, въ шесть часовъ вечера уже дѣлалось прохладно.

Урядникъ 2-й сотни Поляковъ съ шестью казаками выѣхалъ на фуражировку съ поста № 1 по направленію къ Сыгоулину. Пока пять казаковъ разыскивали фуражъ въ одной деревнѣ, урядникъ съ однимъ казакомъ направился къ нѣсколькимъ фанзамъ, стоящимъ отдѣльно неподалеку. Оттуда на близкомъ разстояніи раздались выстрѣлы, никого не задѣвъ, и человекъ 20 пѣшихъ хунхузовъ бросились навстрѣчу казакамъ. Поляковъ соскочилъ съ коня и передалъ его товарищу, а самъ сталъ стрѣлять по хунхузамъ, убилъ одного, ранилъ другого, къ этому времени подоспѣли остальные казаки и также открыли огонь, ранивъ еще 4 хунхузовъ, и обратили въ бѣгство остальныхъ. Наши трофеи были два фальконета и 3 ружья, изъ коихъ одно было скорострѣльное.

10 іюня. Подполковникъ Шестаковъ получилъ приказаніе генерала Ренненкампа разузнать черезъ лазутчиковъ, не было ли у хунхузовъ сборнаго мѣста и нанести имъ рѣшительный ударъ, чтобы прекратить постоянныя нападенія на летучую почту и транспорты въ районъ Цзянь-Чанъ, Сяосырь, Фыншуйлинъ и Саймацзы. Шестаковъ намѣревался поручить мнѣ эту экспедицію, но это меня не соблазняло. Не для того я пріѣхалъ на войну, чтобы гоняться за хунхузами. Кромѣ того, я ждалъ съ минуты на минуту, что генералъ вызоветъ меня съ сотнями для болѣе серьезной работы; однако отказаться прямо было неудобно, хотя я и не былъ ему подчиненъ. Я призвалъ на совѣтъ командировъ двухъ ротъ, назначенныхъ въ экспедицію, командира полусотни Амурскаго полка, прибывшей въ нашъ отрядъ, подьесаула Фолькенау и моихъ сотенныхъ командировъ, входящихъ тоже въ составъ экспедиціоннаго отряда, и предложилъ имъ высказаться о томъ, какъ лучше выполнить эту задачу. Купецъ, хозяинъ нашей фанзы, онъ же былъ и нашимъ поставщикомъ, уже не разъ давалъ намъ вѣрныя свѣдѣнія о хунхузахъ; я спросилъ у него, гдѣ находилась деревня, въ которой, по словамъ лазутчика, собирались хунхузы. Хозяинъ начертилъ карандашомъ на бумагѣ очень вѣрное кроки долины отъ Сяосыря до Цзянь-Чана и гористой части, прилегающей къ ней съ южной стороны и указалъ мѣсто, гдѣ находилась эта деревня.

69. Сотенный командиръ.

Она была верстахъ въ 25—30 отъ насъ и не болѣе 12—15 отъ Цзянь-Чана, среди трудно доступныхъ горъ, куда вела тропа, годная только для движенія пѣшихъ людей. Ходу было не менѣе 7—8 часовъ. На совѣщаніи пришли къ слѣдующему заключенію, что нечаяннаго нападенія намъ сдѣлать не удастся, потому что хунхузы будутъ непременно извѣщены о нашемъ движеніи черезъ сопки китайцами, что переходъ по горнымъ тропамъ, для такого отряда, какъ былъ назначенъ Шестаковымъ, былъ бы очень затруднительнымъ и потребовалъ бы много времени. Въ заключеніе считалось достаточнымъ противъ 300 хунхузовъ, о которыхъ говорилъ лазутчикъ, выслать никакъ не болѣе одной роты пѣхоты съ полусотней спѣшенныхъ казаковъ. Со всѣми бывшими у меня на совѣтѣ офицерами я отправился къ начальнику гарнизона и изложилъ обстоятельства дѣла и къ какому выводу мы были вынуждены прійти. Онъ былъ очень недоволенъ нашими возраженіями и сказалъ, что не можетъ отмѣнить экспедиціи ни измѣнить ея состава, такъ какъ онъ уже донесъ объ этомъ генералу Ренненкампу. Я на это отвѣтилъ, что его донесеніе еще не отправлено и я могу его вернуть. Тогда онъ согласился уменьшить отрядъ до одной роты и полусотни амурцевъ, назначивъ начальникомъ его подесаула Фолькенау, а меня отпустилъ.

11 іюня въ 11 ч. вечера я получилъ отъ Россійскаго предписаніе прибыть съ 1-й и 5-й сотнями въ Саймацзы 13 іюня. Онъ извѣщалъ меня, что 9 іюня въ Айянямынѣ во время рекогносцировки въ охотничьей командѣ Стрѣтенскаго полка былъ убитъ одинъ стрѣлокъ и два ранено. Какія были потери казаковъ, не сообщалось. Какъ я былъ радъ, что отдѣлался отъ экспедиціи противъ хунхузовъ. Если бы я на нее согласился, досталось бы и мнѣ и въ особенности Шестакову.

12 іюня. Я выступилъ съ 1-й и 5-й сотнями въ полдень, когда люди успѣли пообѣдать. Третій разъ проходилъ я по долину Сяосыря, Сыгоулинскому перевалу, но теперь была чудная погода. Шли мы днемъ, послѣ продолжительнаго отдыха люди и лошади подбодрились. Ожидались впереди заманчивыя дѣла. Поэтому мы смотрѣли на все окружающее другими глазами, чѣмъ прежде. Можно было сказать безъ преувеличенія, что эта долина была одна изъ самыхъ красивыхъ, по которымъ мы до сихъ поръ проходили. Она шла между двумя кряжами горъ, поросшими богатою растительностью. Въ это время де-

ревья и кустарники были въ цвѣту. Одни были осыпаны какъ снѣгомъ бѣлыми цвѣтами, другіе розовыми и желтыми; у дороги росли китайскіе карликовые синіе ирисы, у опушки лѣса цвѣлъ шиповникъ разныхъ цвѣтовъ, желтый ситизъ (золотой дождь), боярышникъ, много незнакомыхъ мнѣ кустарниковъ, красныя, желтыя, свѣтло-розовыя съ бурыми пятнами лиліи, а крупныя красныя махровыя піоны около кумиренъ составляли самое роскошное украшеніе этого сада, разбитаго и вырощеннаго природою съ такимъ вкусомъ и любовью, что едва ли могли бы съ нею соперничать произведенія самыхъ искусныхъ садоводовъ. Чудный тонкій аромать сложныхъ незнакомыхъ духовъ распространялся въ воздухѣ и очаровывалъ насъ; не только офицеры, простые казаки не могли налюбоваться окружающей насъ природой.

Рѣчка имѣла сильное теченіе даже въ сухую погоду; въ дождливую пору она обращалась въ бурный потокъ, сносившій крупныя скалы, округлявшіяся постояннымъ треніемъ. Нога лошади не имѣла упора на этихъ камняхъ, покрытыхъ слизистыми водорослями. Мнѣ казалось непостижимымъ, какъ намъ удалось переправиться столько разъ черезъ эту рѣчку ночью во время дождя съ генераломъ Ренненкампомъ и потомъ, когда я возвращался въ отрядъ послѣ боя 25 мая.

Сдѣланъ былъ одинъ приваль въ 20 минутъ, другой въ часъ; мы успѣли выпить по кружкѣ чаю, но лошадей кормить не было времени. Въ половинѣ девятаго мы подошли къ отряду ген. Любавина: 23-й стр. полкъ и аргунскіе казаки, расположившіеся на обширной полянѣ у подножія Сыгоулина. Мы стали на ночлегъ у опушки лѣса. Послѣ ужина Энгельгардтъ и Черкесовъ разложили бурки и собирались спать на открытомъ воздухѣ; я былъ радъ укрыться подъ палаткой, разбитой Шаншіевымъ, такъ какъ ночь была холодная.

13 іюня. Проснулись въ 4 ч. утра; было холодно, сыро, костеръ изъ щепокъ, обильно смоченныхъ росой, не могъ загорѣться; насилу заварили чай, который немного согрѣлъ насъ.

Благодаря энергіи Энгельгардта и Шаншіева, удалось выступить ровно въ 5 часовъ. Сейчасъ за бивакомъ начинался подъемъ на переваль. Большая часть дороги проходитъ по русламъ рѣкъ, имѣющимъ свои истоки на вершинѣ Сыгоулина. Лошадей вели въ поводу, а мы перескакивали съ камня на камень или брели по водѣ, проникавшей въ личные не промо-

каемые сапоги, какъ будто они были безъ подошвъ. Было около 9 ч. вечера, когда мы подходили къ деревнѣ Сыфалацзы, въ которой издали было замѣтно большое оживленіе; тамъ стояли войска; мы думали, что то была пѣхота, составлявшая резервъ отряда Ренненкампа, и насъ крайне удивило, когда при приближеніи мы узнали своихъ забайкальцевъ. Оказалось, что нашъ отрядъ отступилъ вчера вечеромъ изъ Саймацзы, занятого послѣ нашего ухода японцами.

Я явился къ генералу и получилъ отъ него приказаніе поставить свои сотни на правомъ флангѣ бивака въ лощинѣ, ведущей черезъ долину Цао-хэ къ Фыншуйлинскому перевалу. Этотъ путь былъ болѣе кружной, чѣмъ этапная дорога, но было получено донесеніе, что съ юга были двинуты значительныя силы непріятеля по долинѣ Цао-хэ, и генераль уже послалъ туда сотню 1-го Аргунскаго полка Токмакова и 6-ю сотню кн. Джандіери, чтобы слѣдить за движеніями японцевъ. Генераль думалъ, что мы простоимъ здѣсь до завтра, такъ какъ не ожидалось сегодня атаки непріятеля. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ съ вершины сопки онъ наблюдалъ за осторожнымъ наступленіемъ японцевъ, занимавшихъ Саймацзы; сперва подошли дозоры, они съ высоты осмотрѣли все мѣстечко и вошли въ него только тогда, когда убѣдились, что русскихъ въ немъ не было; за ними вошелъ авангардъ и сейчасъ же выслали впередъ дозоры. Не такъ ли слѣдовало поступать и намъ, вмѣсто того, чтобы лѣзть впередъ безъ оглядки и получать залпы „въ морду“, какъ говорили казаки.

Отъ участниковъ я узналъ нѣкоторыя подробности рекогносцировки 9 іюня къ Ай-ян-ямыну; мы тамъ чуть не потеряли своей артиллеріи: 4-я забайкальская батарея выѣхала на переваль и сразу попала подъ сильный ружейный и шрапнельный огонь. Послѣ неудачныхъ попытокъ увезти орудія, чтобы избѣжать безполезныхъ потерь, они были оставлены на мѣстѣ; орудійная прислуга укрылась за близъ лежащими фанзами, а прикрытіе, подъ руководствомъ полковника Россійскаго, обстрѣливало японцевъ и не допускало ихъ подойти къ нашей батарее. Съ наступленіемъ темноты, орудія были благополучно увезены. Только благодаря распорядительности и храбрости Россійскаго удалось спасти батарею съ сравнительно небольшими потерями.

Отъ Императрицы были получены подарки для всего отряда: коньякъ, бисквиты и проч.; но тѣ, кто были въ отсутствіи, не

получили ничего. Моимъ офицерамъ досталось еще по одной пачкѣ превосходныхъ бисквитовъ, но казначей объявилъ мнѣ, что онъ уже все роздалъ и у него больше ничего не оставалось.

Я расположилъ 1-ю и 5-ю сотню на небольшой плоской возвышенности, убѣдившись, что кромѣ крутой тропинки, по которой мы взбирались на нее спереди, имѣлся въ тылу другой путь, на случай внезапнаго отступленія.

Офицеры разложили бурки подъ деревьями. Пока вѣстовые рубили вѣтки, чтобы устроить намъ шалаши, Пепино готовилъ обѣдъ. Вдругъ впереди, совсѣмъ близко отъ насъ, раздался выстрѣлъ, другой, третій, грянуло орудіе. Это стрѣляли съ нашей заставы и съ батареи, стоявшей на позиціи, недалеко отъ бивака, — значитъ непріятель перешелъ въ наступленіе. Я вскочилъ и сказалъ: „надо сѣдлатъ“. Я не приказывалъ, но у меня этотъ возгласъ вырвался невольно; услыхавъ при столь неожиданной пальбѣ. Казаки первой сотни, сидѣвшіе неподалеку, бросились къ коновязямъ. „Что это такое“, крикнулъ на нихъ Энгельгардтъ. „Какъ смѣете сѣдлатъ безъ моего приказанія!“ Онъ подозвалъ вахмистра, разспросилъ его, были ли напоены лошади, успѣли ли поѣсть зерно и, получивъ утвердительные отвѣты, приказалъ сѣдлатъ не спѣша. Я залюбовался Энгельгардтомъ. Онъ сразу остановилъ разыгравшіеся нервы и успокоилъ ихъ. Признаюсь, это и для меня былъ хорошій урокъ: я обѣщалъ себѣ быть болѣе сдержаннымъ въ другой разъ и сказалъ объ этомъ Энгельгардту. Перестрѣлка все усиливалась и какъ будто приближалась.

Чтобы не быть въ долгу у Энгельгардта, я крикнулъ Пепино, возившемуся у костра, недалеко отъ насъ: „скоро ли будетъ готовъ обѣдъ?“ Онъ мнѣ отвѣтилъ: „фра діечи минути“ (черезъ 10 минутъ). Ровно черезъ 10 минутъ мы поѣли горячаго супа съ говядиной и тогда только стали собираться уходить, а Пепино пришлось еще прибрать посуду и поэтому онъ съ вьюками ѣхалъ въ аррьергардъ, гдѣ при отступленіи мѣсто только боевымъ частямъ. Казначей Мотыгинъ прислалъ мнѣ пачку бисквитовъ; вѣроятно, при поспѣшномъ отступленіи, онъ не зналъ, куда ихъ дѣвать.

Мои сотни послѣдовали за полкомъ, ушедшимъ тотчасъ, какъ раздались первые залпы, а я поѣхалъ посмотрѣть, что дѣлалось у батареи, гдѣ были генераль со штабомъ и ординарцами.

Японцы показались у входа въ долину, по которой мы вели отступление и стали отвѣчать на нашъ огонь. Было отдано приказаніе батареѣ взять въ передки и отходить къ Сыгоулину; насъ не преслѣдовали. Для того чтобы слѣдить за непріателемъ, въ Сыфалацзы была оставлена 5-я сотня нашего полка.

Второй разъ въ теченіе дня пришлось мнѣ переходить черезъ этотъ переваль, но въ большой колоннѣ и съ обозомъ это было гораздо труднѣе. Я уже спускался на ту сторону, когда Черкесовъ нагналъ меня и сказалъ, что начальникъ штаба дивизіи ждалъ меня на вершинѣ перевала, чтобы передать предписаніе генерала идти въ отдѣлъ съ двумя сотнями. Я поспѣшилъ къ нему.

Мнѣ было приказано съ 1-й и 3-й сотнями Нерчинскаго полка спуститься въ долину Цао-хэ и, присоединивъ къ себѣ сотни кн. Джандіери и Токмакова, продвинуться внизъ по теченію рѣки до высоты Сыгоулина, высылая разъѣзды до встрѣчи съ противникомъ. Моя задача была: задерживать непріателя, насколько это было возможно, и доносить о всѣхъ его передвиженіяхъ генералу Ренненкампу. Я отправился разыскивать сотни, прошедшія впередъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ утромъ стоялъ бивакъ 23-го полка, были теперь расположены казаки. Я передалъ Трухину о полученномъ мною предписаніи. Первая сотня была здѣсь и Энгельгардтъ просилъ дать ему полчаса, чтобы накормить людей и лошадей, но 3-я сотня, бывшая въ арьергардѣ, еще не пришла. Я обратился къ Трухину, чтобы онъ назначилъ другую сотню, вмѣсто 3-й; оказалась свободною только сотня Бодиско, но она была эту ночь въ сторожевомъ охраненіи и поэтому, по словамъ своего командира, нуждалась въ отдыхѣ. Вторая сотня содержала летучую почту, 5-я осталась въ Сыфалацзы, 6-я — на Цао-хэ; къ этому времени подоспѣла третья сотня. Прошелъ цѣлый часъ, пока собирался отрядъ. Мы двинулись впередъ перемѣннымъ аллюромъ, я взялъ съ собой только одну заводную лошадь съ Струковскимъ сѣдломъ.

Не доѣзжая дер. Гоньгауцзы, мы увидѣли въ сторонѣ, около фанзы, группу лошадей и конвой генерала. Не останавливая отряда, я поскакалъ туда, чтобы узнать, куда мнѣ отправлять донесенія, такъ какъ въ предписаніи было сказано посылать ихъ на Сыгоулинъ, оставшійся далеко сзади. Генералъ былъ очень недоволенъ, что я такъ запоздалъ исполненіемъ его приказанія. Я объяснилъ, что вина была не моя, такъ какъ одна изъ наз-

наченныхъ сотенъ оставалась въ арьергардѣ и мнѣ пришлось ее ожидать. Тогда генераль обрушился на начальника штаба и сказалъ ему, что не слѣдовало стѣснять меня назначеніемъ частей, а дать сотни какого бы то ни было полка, находившіяся подъ рукою, лишь бы я могъ скорѣе отправиться къ мѣсту назначенія. Генераль передалъ мнѣ, что изъ отряда генерала Любавина будутъ высланы еще двѣ сотни для усиленія моего отряда; донесенія посылаютъ сюда. Я въ карьеръ поскакалъ догонять сотни, затѣмъ крупной рысью повелъ ихъ до мѣста, гдѣ отъ этапной дороги отдѣлялась тропа, ведущая по крутому спуску въ долину Цао-хэ, лежащую сажень на 40 ниже дороги на Палилинъ и Фыншуйлинъ.

На вершинѣ кряжа, откуда съ одной стороны была видна этапная дорога, а съ другой долина Цао-хэ, я поставилъ наблюдательный постъ изъ шести казаковъ. Имъ было приказано принимать донесеніе отъ посланныхъ снизу казаковъ и доставлять ихъ генералу, но главное ихъ назначеніе было по уходѣ нашихъ войскъ къ Фыншуйлину предупредить насъ своевременно о движеніи вслѣдъ непріятеля, чтобы не быть имъ отрѣзаннымъ. Отсюда была видна къ востоку деревня, у которой стояли конныя части, вѣроятно, наши сотни, и дѣйствительно, верстахъ въ пяти отъ перевала мы присоединились къ сотнямъ Джандіери, Токмакова и разѣзду корнета Мерклинга. Они занимали выгодную позицію позади отрога горы, спускавшагося поперегъ долины, до рѣки съ крутыми берегами. Небольшой лѣсокъ скрывалъ отрядъ отъ взоровъ противника. Единственный недостатокъ позиціи этой состоялъ въ томъ, что долина впереди шла уклономъ вправо, заслоня обстрѣлъ въ верстѣ отъ нея. Наблюдательные посты были выставлены на сопкахъ справа и слѣва.

Джандіери доложилъ мнѣ, что непріятеля онъ встрѣтилъ сегодня утромъ, когда изъ лощины у Сыфалацзы онъ переходилъ черезъ сопку въ долину Цао-хэ; его обстрѣливали еще въ четырехъ верстахъ отсюда, и онъ ожидалъ, что непріятель будетъ продолжать наступленіе сегодня же; потерь у него не было. Токмаковъ и Мерклингъ тоже видѣли непріятеля недалеко отъ нашей позиціи.

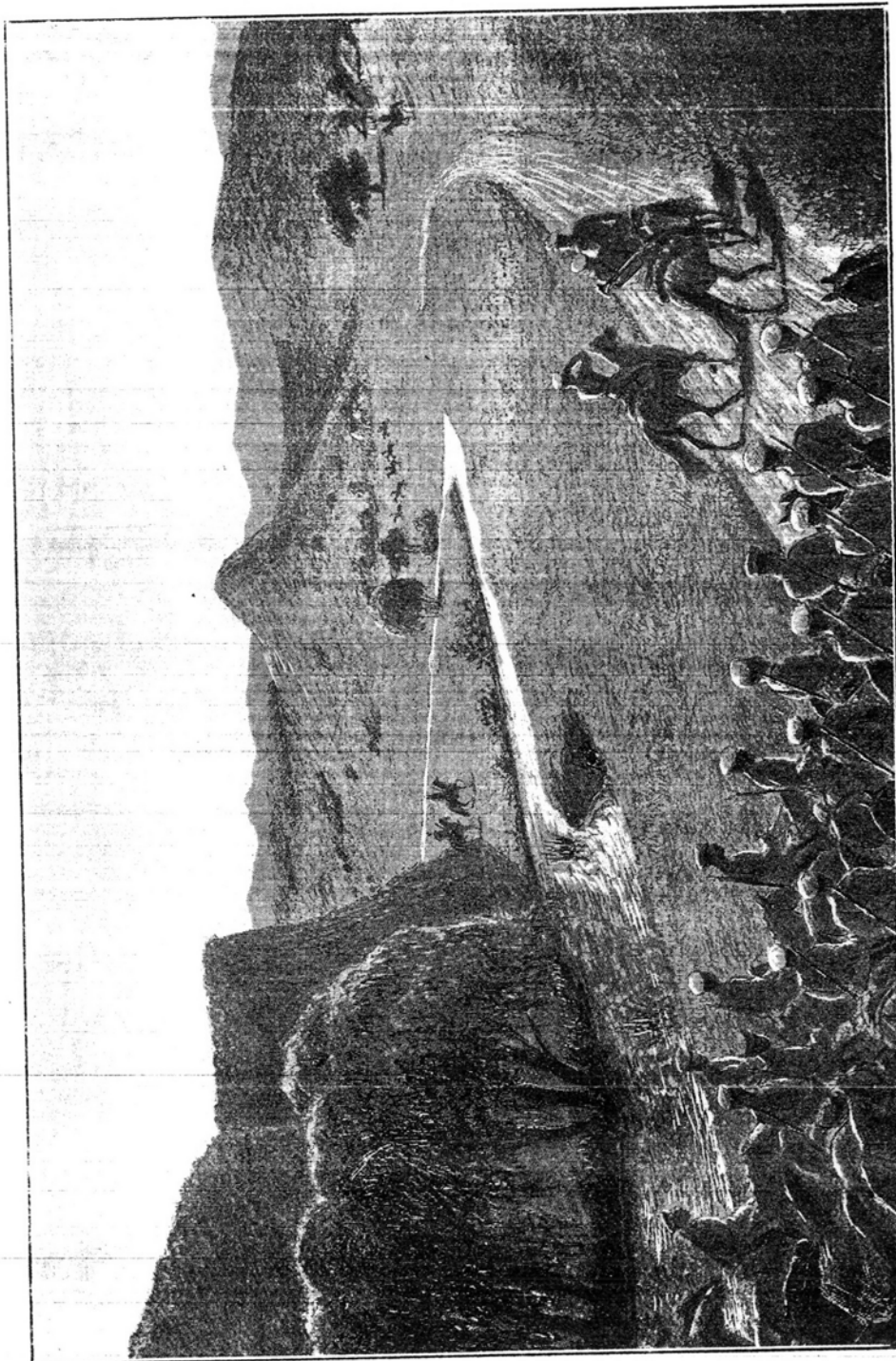
Я поднялся на правую ближайшую сопку; было очень жарко, а подъемъ крутой, я часто останавливался, чтобы отдышаться; казаки же, слѣдовавшіе за мной, казались очень утомленными: они

нулъ казакъ на посту. Это, пожалуй, было для него самой опасной встрѣчей, потому что часовой могъ его застрѣлить въ упоръ, безъ оклика. Я далъ ему лошадь, проводника до Фыншуйлина и просилъ объяснить на словахъ генералу, что произошло съ моимъ донесеніемъ вчера.

Ожидая сегодня боя, я приказалъ опять разсѣдлатъ лошадей, хорошенько выкормить ихъ и ждать моего распоряженія, а самъ отправился въ дежурную часть. Получивъ свѣдѣнія, что ночь на аванпостахъ прошла спокойно, я въѣхалъ на лѣвую сопку, гдѣ стоялъ нашъ наблюдательный постъ. Отсюда была видна японская конная застава у деревни, они водили поочереды лошадей на водопой. До заставы было версты полторы по птичьему полету и версты двѣ съ половиною по извилинамъ долины.

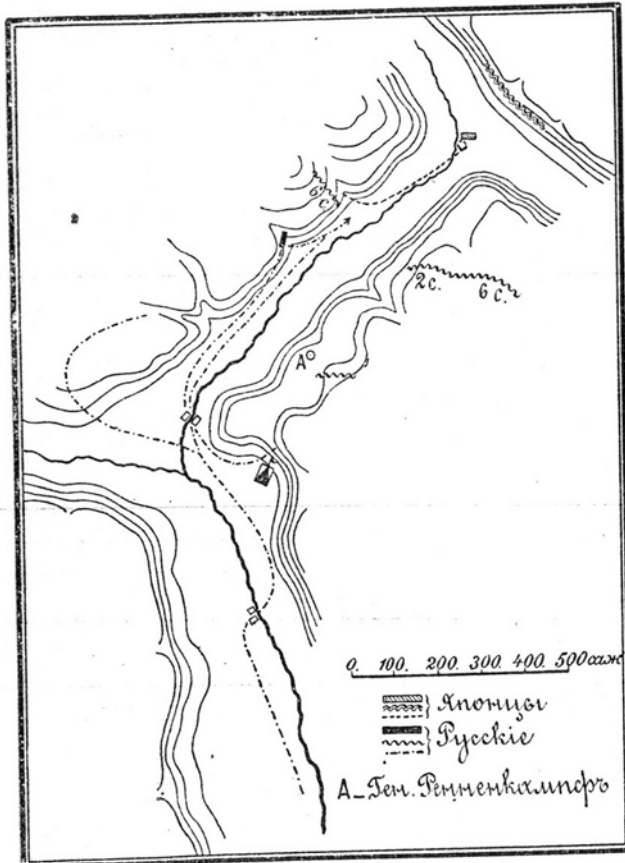
Позади насъ, со стороны Фыншуйлина, показалась конная колонна, около пяти сотенъ съ артиллеріей; это шель, очевидно, отрядъ отъ генерала Любавина, который я ожидалъ еще вчера. Я обрадовался, что теперъ у меня собрались довольно значительныя силы и можно будетъ перейти въ наступленіе, но моя радость была непродолжительною: впереди остановившейся и слѣзшей съ коней колонны я увидѣлъ самого генерала Любавина и полковника Россійскаго; значитъ, конецъ моимъ самостоятельнымъ дѣйствіямъ и мечтамъ, но чего я еще менѣе ожидалъ, это того пріема, который былъ мнѣ сдѣланъ. Когда я подъѣхалъ къ ген. Любавину, онъ сказалъ, что на меня очень сердится ген. Ренненкампфъ за то, что я не послалъ ему вчера донесенія, онъ безпокоился объ участи нашего отряда, думалъ, что мы были отрѣзаны непріателемъ, поэтому и было рѣшено послать болѣе значительныя силы съ артиллеріей подъ начальствомъ командира бригады. Я не успѣлъ сказать двухъ словъ въ свое оправданіе, какъ на меня напустился пол. Россійскій и на этотъ разъ совершенно несправедливо: онъ винилъ меня въ томъ, что двѣ мои сотни отошли назадъ верстъ на пять, что я не высылалъ ни одного разъѣзда и не зналъ ничего о непріателѣ. Онъ оправданій и объясненій моихъ не хотѣлъ слушать и сказалъ, что обо всемъ доложить ген. Ренненкампфу.

Я обратился къ ген. Любавину и, показавъ ему возвращенное вчера донесеніе, объяснилъ, какъ это случилось, затѣмъ я доложилъ, что разъѣздъ былъ высланъ наканунѣ вечеромъ, что съ обѣихъ сторонъ на сопкахъ стояли наблюдательныя посты, откуда не ускользнетъ ни одно движеніе непріателя, тогда какъ

Боя. Начало боя въ долине Цаохэ 14 июня 1904 г. Подъ первымъ залпомъ неприятеля.

вающихъ какъ будто выходъ изъ долины; въ дѣйствительности это указывало, что долина здѣсь сворачивала въ сторону или раздваивалась. Указывая на деревню, полк. Россійскій сказалъ: „вотъ здѣсь мы станемъ на бивакъ“. Въ эту минуту съ разстоянія не

77. Дѣло 22 іюля подъ Сыгоулиномъ отряда ген.-маіора Ренненкампа.

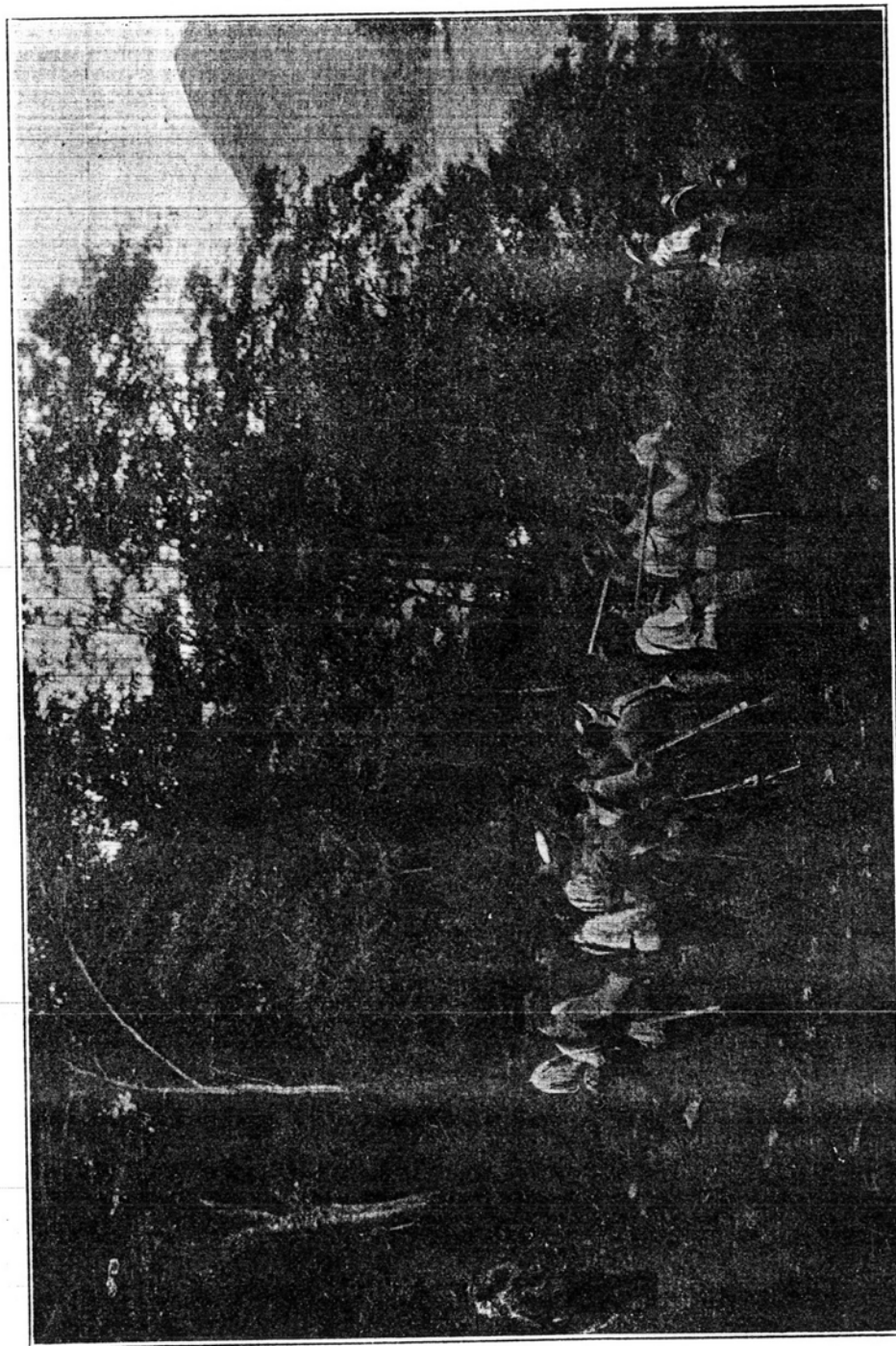
болѣе 300 шаговъ раздался залпъ и обсыпалъ насъ пулями, не задѣвъ никого. Мы бросились вразсыпную назадъ, наскочили въ ближайшую падь, и по распоряженію полк. Россійскаго слѣзли съ коней и заняли гребень невысокаго въ этомъ мѣстѣ отрога горы, чтобы отвѣчать огню непріятеля. Россійскій самъ взялъ винтовку у коновода и пошелъ въ цѣпь.

Не прошло четверти часа, какъ послышались справа отъ насъ, черезъ долину, залпы подошедшихъ казаковъ. Повсѣмъ вѣроятностямъ тамъ былъ генераль. Позади насъ сопкою прибылъ

къ намъ на подкрѣпленіе есаулъ Бодиско съ частью четвертой сотни.

Я былъ того мнѣнія, что слѣдовало занять вершину сопки, на которой мы находились: во-первыхъ, съ высоты мы видѣли бы расположеніе и численный составъ противника, во-вторыхъ, было необходимо предупредить его, еслибы онъ имѣлъ то же намѣреніе. Такъ какъ на это потребовалось бы подкрѣпленіе, то я спросилъ в. ст. Трухина, не найдетъ ли онъ возможнымъ передать объ этомъ генералу. Онъ согласился послать къ генералу адъютанта Анисимова, я тоже рѣшилъ пройти къ нему, чтобы лично объяснить, въ чемъ дѣло. Разсчитывая вернуться назадъ, я оставилъ лошадей съ коноводами, подавшимися назадъ до слѣдующей

пади, потому что первую обстрѣливалъ непріятель. Только что я спустился съ сопки, на меня наткнулся казакъ, ведущій въ по-

78. Охотники идутъ подбирать убитыхъ японцевъ.

воду двухъ лошадей. Онъ проговорилъ взволнованнымъ голосомъ:
„В. В., изъ-за васъ меня японцы чуть не убили, я былъ дозор-

нымъ и послѣ залпа побѣжалъ назадъ съ лошадыю товарища, какъ вдругъ, смотрю, съ сопки спускается офицеръ, одѣтый точь въ точь какъ вы (я носилъ тужурку и фуражку цвѣта хаки), я соскочилъ съ лошади и подвелъ вамъ коня товарища, думая, что вы ранены, потому что прихрамывали, а офицеръ выпалилъ въ меня изъ револьвера, да слава Богу промахнулся, тогда только я догадался, что это былъ японецъ“. „Чего же ты не стрѣлялъ въ него“, спросилъ я. „Съ двумя лошадьми на рукахъ мнѣ было не способно“, и они оба побѣжали въ разныя стороны. Пришлось переправиться черезъ рѣку, гдѣ воды было выше колѣна и залило сапоги. Генераль со своимъ штабомъ находился на возвышенной открытой площадкѣ, прислонившись къ дереву, онъ стрѣлялъ изъ своего Маузера по японцамъ, перебѣгавшимъ по долинѣ къ фанзамъ. Такъ какъ эту площадь непріятель усердно обстрѣливалъ, то генераль сказалъ шутя: „Отойдите въ сторону, они въ меня стрѣляютъ, а не въ васъ“. Замѣчательная черта у генерала Ренненкампа: онъ не только былъ спокоенъ во время боя, но находился въ особенно веселомъ настроеніи, даже когда положеніе было довольно критическимъ. Три японца уже лежало подбитыми, генераль предложилъ по 50 руб. за доставленнаго японца, живого или мертваго. Нѣсколько человекъ изъ конвоя вызвалось идти за добычей. Въ это время былъ поданъ сигналъ наступленія. 2-я сотня, занимавшая гребень сопки направо, продвинулась впередъ, но скоро должна была остановиться, потому что сопка круто обрывалась внизъ и спуститься въ этомъ мѣстѣ было невозможно. По командѣ кн. Меликова, она вернулась и спустилась въ долину по пологому скату и перешла въ наступленіе вмѣстѣ съ шестою сотнею кн. Джандіери. Огонь непріятели участился, но казаки дошли до фанзъ, оказавшихся пустыми, атаковать же въ лобъ японцевъ, залегшихъ на сопкѣ въ лѣсу, было бы безцѣльно, и генераль приказалъ спѣшеннымъ сотнямъ отойти назадъ, а командиру батареи открыть огонь, чтобы японцы знали, что у насъ имѣлась артиллерія. Увы, это оказалось невозможнымъ: ротмистръ Созонтовичъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ дать ни одного выстрѣла, потому что снаряды были подмочены, и онъ боялся, какъ бы не было разрыва въ дулѣ орудія. Спрашивалось, чего ради мы таскали съ собою съ такимъ трудомъ и хлопотами ни на что не годную батарею, разъ не было снарядовъ.

Казаки принесли двухъ убитыхъ японцевъ, третьяго бросили, потому что непріятель сосредоточилъ огонь на мѣсто, гдѣ онъ

лежалъ, чтобы мы не могли его унести. У насъ убитъ былъ только одинъ казакъ и трое ранено.

Убитыхъ японцевъ похоронили на площадкѣ подъ деревомъ, на которомъ прибили бумагу съ надписью по-японски, составленной нашимъ студентомъ переводчикомъ: „Здѣсь русскіе похоронили двухъ японцевъ, храбро сражавшихся за свое отечество“.

Убитый казакъ былъ похороненъ въ долинѣ, и надъ его могилой былъ поставленъ крестъ.

Разбирая обстоятельства дѣла, можно было заключить, что мы были встрѣчены огнемъ около двухъ ротъ, занимавшихъ передовую позицію, верстахъ въ пяти отъ Сыгоулина, гдѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ, находились ихъ главныя силы. О силѣ и составѣ этого отряда опредѣленія могли быть только гадательными.

Наше появленіе было неожиданнымъ для непріятеля, что доказывалось присутствіемъ въ долинѣ офицера и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, не успѣвшихъ вернуться къ себѣ на позицію. Кромѣ трехъ убитыхъ, японцы понесли еще потери ранеными, подбитыми казаками второй и шестой сотни.

Для обезпеченія нашего лѣваго фланга отъ обхода, былъ высланъ взводъ подъ командой бар. Корфа, который къ вечеру былъ смѣненъ четвертой сотней.

Когда перестрѣлка стихла, генераль приказалъ отряду отойти назадъ на три версты и занять деревни для ночлега.

По дорогѣ, на кустѣ казаки примѣтили бумажку, на которой, подъ начерченной стрѣлой была надпись по-японски; „Пѣхотинецъ, 60 шаговъ“. Переводчикъ думалъ, что это должно было указать мѣсто погребенія японца, убитаго вчера развѣздомъ барона Корфа.

Деревня, въ которой расположились офицеры, состояла изъ нѣсколькихъ фанзъ; батарея и полки стали бивакомъ.

Я помѣстился съ Меликовымъ, Корфомъ и офицерами Аргунскаго полка: Фусомъ, гр. Бенингсеномъ и Бенкендорфомъ. Пепино, прибывшій съ вьюками, облобызался со своимъ другомъ Николаемъ, котораго не видалъ со времени нашей стоянки въ Сяосырѣ, такъ какъ 2-я сотня оставалась тамъ для занятія летучей почты и присоединилась къ полку только теперь.

Я еще не оправился отъ моего паденія, голова сильно болѣла.

23 іюня. Ночью ожидали нападенія непріятеля; на аванпостахъ раздавалась довольно оживленная перестрѣлка, но тамъ, гдѣ

нымъ къ своимъ. Несмотря на трудность и опасность этихъ развѣдокъ, офицеры свыклись съ необходимостью быть обстрѣляемыми для обнаруженія непріятели и охотно вызывались идти на самыя рискованныя предпріятія. Но особеннымъ любителемъ ночныхъ развѣдокъ былъ бар. Корфъ, котораго товарищи спрашивали въ шутку: „Какъ же вы сегодня не ночуете на сопкахъ“?

Отъ полк. Россійскаго было получено извѣстіе, что во время рекогносцировки Фанзяпуцзы 30 іюня генераль Ренненкампфъ былъ раненъ въ ногу съ поврежденіемъ кости; убитъ шт.-ротм. Цедербергъ, тяжело раненъ въ животъ есаулъ Власовъ, командиръ 2-й сотни 2-го Аргунскаго полка (онъ скоро умеръ), легко раненъ подьес. Поповицкій; пятнадцать казаковъ ранено, а сколько было убито—не сказано. И такъ, разнесшійся 30 іюня слухъ оказался справедливымъ, но тѣмъ болѣе странно, что мы объ этомъ узнали съ такой быстротой изъ таинственнаго источника.

3 іюля. Я считалъ, что въ военное время офицеры не могутъ отлучаться отъ своихъ частей иначе, какъ по служебнымъ дѣламъ или для поправленія здоровья, поэтому я не смѣлъ и думать о возможности повидаться съ моей женой, прибывшей въ Манчжурію уже съ мѣсяцъ сестрою милосердія въ санитарномъ поѣздѣ Императрицы Александры Феодоровны. Письма терялись или недѣлями валялись на этапахъ и въ канцеляріяхъ, пока не попадали на глаза кого-нибудь, случайно знающаго адресата, который самъ уже доставлялъ или посылалъ ихъ дальше по назначенію. Телеграфа у насъ не было и телеграммы посылались въ конвертѣ съ платою за отправку по летучей почтѣ на имя знакомаго на одной изъ станцій желѣзн. дор. Когда поѣздъ, гдѣ была жена, приходилъ въ Ляоянь, вѣсти отъ нея я могъ бы получить въ однѣ—двое сутокъ, а между тѣмъ ея письма шли до меня около трехъ недѣль и столько же, если не больше, требовалось на доставку моихъ. Я воспользовался отправляемыми Заботкинымъ выюками въ Ляоянь за провизіей, чтобы послать съ ними Пепино для личной передачи женѣ свѣдѣній обо мнѣ и доставки мнѣ свѣжихъ вѣстей отъ нея.

Вернулся съ развѣдки бар. Корфъ; онъ непріятели не видѣлъ; китайцы говорили, что онъ отошелъ къ Сыгоулину. Это выходило въ родѣ кадрили: мы дѣлали фигуру, выступали впередъ, — они отходили; потомъ это продѣлывалось въ обратномъ напра-

влени; разница только въ томъ, что съ каждой стороны изъ кадрили выбывало нѣсколько кавалеровъ.

Генераль Любавинъ со 2-мъ Аргунскимъ полкомъ прибылъ къ мѣсту нашего расположенія и приказалъ нашему полку, въ составѣ пяти сотенъ, идти на югъ и стать бивакомъ въ десяти верстахъ впереди Сяосыря. Онъ самъ долженъ былъ слѣдовать за нами съ аргунцами и нашей 3-й сотней. Ожидалось одновременно наступленіе восточнаго отряда на Лян-шан-гуань, отряда генерала Гершельмана, въ составѣ шести баталіоновъ и четырехъ скорострѣльныхъ батарей, изъ Сихеяна на Фанцзяпучзы и отряда изъ Бенсиху.

Мы выступили въ шесть часовъ вечера. Предполагая, что до мѣста, назначеннаго намъ для бивака, мы дойдемъ безостановочно, я предложилъ ротмистру Дроздовскому послать разъѣздъ съ урядникомъ Матвѣевымъ по дорогѣ, уходящей влѣво за Сяосыремъ, которая, по имѣющимся свѣдѣніямъ, соединялась съ главной дорогой на Сыгоулинъ, немного далѣе того мѣста, гдѣ мы имѣли перестрѣлку 1 іюля. Я считалъ важнымъ ознакомиться съ нею, потому что она могла быть намъ полезна, какъ при наступательномъ движеніи, такъ и при отступленіи, для предупрежденія обхода нашего лѣваго фланга.

Неожиданно для насъ команд. полкомъ остановилъ отрядъ и приказалъ стать бивакомъ на высотѣ за лѣсомъ у дер. Самяпу.

Дроздовскій безпокоился, что разъѣздъ Матвѣева, не встрѣтивъ насъ, пройдетъ далѣе и можетъ нарваться на непріятеля. Я слышалъ стороною сужденія другого сотеннаго командира, строго критиковавшаго отправку мною разъѣзда, называя ее преступною прихотью. Характерные взгляды двухъ наиболѣе способныхъ сотенныхъ командировъ: одинъ находилъ, что опасно посылать разъѣздъ, который можетъ встрѣтиться неожиданно съ непріателемъ и быть имъ захваченъ или уничтоженъ; другой — называлъ преступною прихотью требованія изслѣдовать незнакомую дорогу для военныхъ цѣлей.

До нашего выступленія я послалъ письмо генералу Ренненкампу съ выраженіями пожеланія офицеровъ полка о скорѣйшемъ его выздоровленіи и возвращеніи въ отрядъ.

4 іюля. Погода ясная, не жарко. Мы выступили рано, прошли черезъ двѣ деревни, миновали дорогу, идущую на Бенсиху и остановились въ десяти верстахъ отъ Сяосыря, какъ намъ было приказано. Сотни стали бивакомъ на полянѣ съ рѣдкими

ловцовъ любезно предложилъ мнѣ помѣститься тоже здѣсь, но я рассчитывалъ найти отдѣльную фанзу и поэтому отказался, вѣстовые же, лошади мои и мулы были приняты на довольствіе въ штабъ полка. Я пошелъ распорядиться, чтобы развьючили муловъ; въ это время вернулся Андрей и сказалъ, что онъ обошелъ всю деревню и нигдѣ свободной фанзы не нашель. Къ моему счастью, я встрѣтилъ полковника Плаутина, предложившаго мнѣ занять освободившееся въ его фанзѣ мѣсто батюшки, уѣхавшаго на время изъ Моцзятуня.

Фанза Плаутина была небольшая; кромѣ него и батюшки, котораго я занималъ мѣсто, былъ еще отрядный докторъ Бекореккій. Вечеромъ Плаутинъ пригласилъ меня ужинать въ собраніе штаба коннаго отряда. Я сидѣлъ рядомъ съ генераломъ Мищенко. Разговоръ коснулся военныхъ дѣйствій послѣднихъ дней на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Меня спросили, какого я былъ мнѣнія о генералѣ Ренненкампфѣ, и я вполне искренно отвѣтилъ, что считалъ его беззавѣтно храбрымъ и очень талантливымъ кавалерійскимъ генераломъ.

19 ноября. Знакомлюсь съ офицерами Верхнеудинскаго полка за обѣдомъ въ полковомъ собраніи. Пріятно было сидѣть за общимъ столомъ, съ полнымъ приборомъ у cadaго. Кушанья готовилъ поварь-китаецъ, вѣроятно на китайскій манеръ, подавая нѣсколько разныхъ блюдъ, преимущественно мясныхъ, до супа—въ видѣ закуски. Водка была общая, а вино требовалось по записямъ на cadaго отдѣльно. Кромѣ завѣдующаго собраніемъ, освобожденнаго отъ дежурствъ и внутренней службы полка, никто не былъ озабоченъ о томъ, чѣмъ питаться. Хорошъ былъ заведенный порядокъ и жаль, что онъ не существовалъ въ полкахъ второй очереди. Однако, припоминая прежнюю жизнь въ Нерчинскомъ полку, встали передо мною образы товарищей, съ которыми я сроднился, и думалось мнѣ, что я не оставилъ о себѣ дурной памяти. А здѣсь я себя чувствовалъ чужимъ и, хотя всѣ были вѣжливы, а нѣкоторые даже привѣтливы, мнѣ казалось, что я не нравился и ко мнѣ относились недружелюбно.

Вечеромъ заѣхалъ ко мнѣ Заботкинъ, по дорогѣ изъ Мукдена обратно въ полкъ. Я его представилъ командующему полкомъ и офицерамъ въ полковомъ собраніи, гдѣ онъ съ нами ужиналъ. Генералъ Мищенко, знавшій Заботкина еще въ китайскую кампанію, пригласилъ его къ себѣ поговорить. Онъ ночевалъ у Плаутина, который былъ съ нимъ одного выпуска.

20 ноября. Я проводилъ Заботкина до д. Чан-ся-мутунь, куда онъ ѣздилъ за какой-то справкой передъ возвращеніемъ въ полкъ.

Получилъ предписаніе вести завтра въ восемь часовъ утра квартирьеровъ для выбора новаго расположенія коннаго отряда, въ составѣ: двухъ забайкальскихъ, двухъ уральскихъ полковъ, 4-го и 5-го Дагестанскаго и Терско-Кубанскаго полковъ, четырехъ конныхъ батарей и парка. Отъ каждой части высылалось по полусотнѣ, отъ батарей по двадцати человекъ. Квартирьеры должны были привести фанзы въ порядокъ и заготовить фуража на мѣсяць, а если можно, то и больше.

За ужиномъ въ собраніи штаба дивизіи генералъ Мищенко далъ мнѣ дополнителныя инструкціи, настаивая въ особенности на заготовленіи фуража, за которымъ придется посылать на границу Монголіи, такъ какъ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ все уже было собрано квартировавшими тамъ войсками. Выборъ деревень для расположенія отряда я долженъ былъ сдѣлать совмѣстно съ сопровождавшимъ меня старшимъ адъютантомъ штаба, капитаномъ Хагондаковымъ.

21 ноября. Въ половинѣ восьмого явились ко мнѣ начальники квартирьеровъ; запаздывали одни Забайкальцы и мы выступили только въ три четверти девятого, вмѣсто восьми.

Хагондаковъ выѣхалъ впередъ, взявъ съ собою по два человека отъ каждой части.

Офицеръ, назначенный колонновожатымъ, такъ плохо ориентировался, что съ самаго начала хотѣлъ вести насъ совсѣмъ въ другую сторону — отъ этого мы шли все время кружными путями.

Былъ порядочный морозъ при сильномъ встрѣчномъ вѣтрѣ. Сдѣлавъ два привала по четверти часа, мы пришли въ д. Сухудяпу, назначенную подъ штабъ отряда обоихъ забайкальскихъ полковъ и Забайкальской батареи флигель-адъютанта войскового старшины Гаврилова. Хагондаковъ самъ распредѣлилъ три другія деревни для расположенія Уральцевъ и отдѣльно Дагестанцевъ и Терско-Кубанцевъ, чтобы избѣгать ссоръ и препирательствъ. Я проѣхалъ съ Хагондаковымъ осмотрѣть эти деревни.

Большая часть фанзъ была разорена, приходилось ихъ чистить, оклеивать окна бумагою, поправлять каны, устанавливать желѣзныя печи. За это дѣло принялись ретиво младшіе